

Мэри Солиер

Король,
у которого не было сердца

ЗАМОК

на третьей горе

Замок на третьей горе

Мэри Соммер

**Замок на третьей горе. Книга 1.
Король, у которого не было сердца**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соммер М.

Замок на третьей горе. Книга 1. Король, у которого не было сердца
/ М. Соммер — «Издательство АСТ», 2024 — (Замок на третьей
горе)

ISBN 978-5-17-160300-7

В свои двадцать лет Джек не добился выдающихся успехов и доволен этим. Отказавшись от карьеры врача, бросил учёбу и вернулся в родной город. Теперь он наслаждается размеренным образом жизни: живёт в маленькой квартирке, подрабатывает в библиотеке, а на вопросы о будущем отвечает туманно: «Сейчас я счастлив». Но с такими друзьями, как у него, о спокойствии можно только мечтать. Тони с детства грезит о чудесах и готов идти за мечтой, а Грэйс следует зову крови: у неё обнаружили родственники в другой реальности. Джек же отправляется в волшебный мир просто так, за компанию. Он не ищет приключений, ему бы найти и понять себя. Но у судьбы, в которую он не верит, на Джека явно свои планы. В путешествии по удивительному миру он познакомится с драконом, обретёт неожиданное призвание, влюбится и, возможно, поймёт, что подсказывают вещие сны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160300-7

© Соммер М., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог	6
1	9
2	27
3	39
4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мэри Соммер

Замок на третьей горе. Книга 1.

Король, у которого не было сердца

© Мэри Соммер, текст, иллюстрации, 2024

© В оформлении макета использованы материалы по лицензии @shutterstock.com

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

Посвящается Маше и Алине

*Благодаря вам мы с персонажами всё-таки прошли этот долгий
путь от первых черновиков до последней главы.*

Люблю

Пролог

Примерно 12 лет назад

Мэривилль

Дух праздника проникал в дом через дымоходную трубу и заполнял собой пространство, забираясь даже в самые дальние углы. В тот рождественский вечер всё представлялось особенным. Из кухни доносился пряный аромат имбирного печенья: его вкус ощущался на языке, заставляя облизываться и причмокивать от нетерпения. Бумага, в которую были завернуты подарки, манила блеском и приятным шуршанием. Украшенная ёлка, казалось, успела за ночь подрасти, и пока Джек рассматривал её макушку, у него затекла шея.

Время было позднее. Небо за окном окрасилось в густой оттенок черничного джема, но с наступлением полной темноты спорили уличные фонари и праздничная иллюминация домов. В лучах огоньков снежные хлопья меняли цвет. Вот внезапный порыв подхватил их, закружил, и тут же захотелось присоединиться к лёгкому танцу, чтобы вслед за ветром унести в сказочные края.

Сейчас от волшебной страны Джека отделяли двойное стекло, запрет выходить на улицу и много, много лет... А пока, расположившись на пушистом ковре возле ёлки, трое детей терпеливо ждали наступления чуда.

– Мне подарят оптический микроскоп, – уверенно сказал светловолосый мальчик, поправив очки на переносице. – С увеличением в целых десять раз. Кстати, вам известно, что не бывает двух одинаковых снежинок?

– Откуда ты знаешь? – спросила девочка в голубом платье с пышной юбкой. Не в силах высидеть на одном месте и пяти минут, она ёрзала и вертелась, отчего красивый наряд помялся, но хозяйке не было до этого никакого дела.

Очкарик обрадовался вопросу и начал пересказывать известные ему факты:

– Снежинки образуются в облаках, когда переохлаждённые капельки воды кристаллизуются...

– Да нет, – перебила девочка, – откуда ты знаешь, что тебе подарят?

– Я проверил в старом комоде, где хранятся шторы и скатерти. Мама всегда там прячет подарки.

Джек тягостно вздохнул. Он уже привык, что каждый год на Рождество дом заполняли незнакомые ему люди. Подготовка начиналась ещё с утра. Всякий взрослый член семьи считал своим долгом лишний раз напомнить Джеку правила поведения. Ему не разрешалось бегать, разбрасывать вещи и до ужина таскать из кухни ароматное печенье. Ближе к вечеру мама заставляла его сменить забавный свитер с оленем на выглаженную рубашку и завязывала на шее бабочку из чёрного бархата. И за что такие страдания? Шумные друзья родителей всё равно не обращали на Джека внимания, разве что трепали по макушке и формально отмечали, как он подрос, поэтому, когда утром отец сообщил, что в этот раз к ним придут двое детей его возраста, Джек ничем не выдал своего восторга, но целый день с нетерпением ждал этих замечательных других детей, с которыми наверняка очень весело. Однако Джек разочаровался: гости ему не понравились. Мальчик в очках, его представили как Тони, много болтал и мнил себя самым умным, а девочка, Грэйс, наверное, вообразила себя принцессой, раз нацепила такое пышное платье. Только вот у неё были некрасивые веснушки и оттопыренные уши, а принцесс таких не бывает.

Теперь Джек сидел в стороне. Он делал вид, что смотрит мультфильм по телевизору, а сам украдкой прислушивался к разговору гостей.

– Эй, Джек, а сколько тебе лет? – спросила вдруг девочка.

– Восемь.

– А мне почти семь. – Она улыбнулась. – У тебя такой красивый костюм!

Бабочка на шее Джека внезапно перестала казаться ему неудобной.

– А что тебе подарят? – спросил Тони. Он посмотрел на гору коробок, прикидывая, что может прятаться внутри.

– Воздушного змея, – ответил Джек, – управляемого, с которым можно всякие трюки выполнять. Я давно о таком мечтаю.

– Как здорово! – Грэйс хлопнула в ладоши.

– Здесь нет ничего, похожего на коробку с воздушным змеем, – категорично возразил Тони. – Разве что вон та плоская, но в ней скорее всего картина какая-нибудь.

Через несколько часов Джек лежал в постели, переваривая мясо, пирог и впечатления от праздника. Внизу ещё играла музыка – взрослые продолжали веселиться.

Джеку не спалось: он думал о воздушном змее, которого не получил. И обо всех других подарках, которые ему не подарили. Отец всегда считал, что желания детей изменчивы, потому тратиться на них нецелесообразно. Разумнее открыть отдельный счёт в банке и откладывать на будущее образование. Так он гостям торжественно и сообщил. Все громко захлопали.

В плоской коробке оказалась репродукция известной картины, на которой были изображены какие-то квадраты и треугольники. Картину можно было вертеть по-всякому: повесить хоть горизонтально, хоть вертикально, хоть вверх тормашками, – по мнению Джека, каждый раз получалась ерунда.

Умнику подарили его микроскоп и толстую книгу «Нераскрытые загадки человечества», а Грэйс – книжку с рассказами, школьные принадлежности и ещё одно платье. «Глупые детские подарки, – думал Джек. – Мне повезло гораздо больше: я буду учиться в лучшем университете и стану врачом, как отец».

В комнате что-то скрипнуло. Джек лежал лицом к стене, поэтому мог только предполагать, приоткрылась ли дверь на самом деле или же ему показалось. Бурная фантазия тут же принялась за дело.

«Теперь-то отец перестанет приглашать в дом незнакомых людей! – испуганно подумал Джек. – Сейчас меня наверняка похитят и потребуют выкуп, а когда получат деньги – убьют. Так ведь обычно и происходит».

Джек резко вскочил, обернулся и тут же зажмурился, потому что прямо в лицо ему светил луч фонарика.

– Хочешь тайну? – послышался знакомый шёпот.

– Какую ещё тайну, что ты здесь делаешь? – Джек разозлился.

– Очень секретную тайну! – ещё тише ответил Тони. – Нам далеко ехать, поэтому мы остаёмся до завтра.

Видимо, Тони уже успел лечь и притвориться спящим – на его щеке осталась вмятина от наволочки.

Джек закатил глаза.

– Между прочим, это не комната для гостей, сюда никому нельзя заходить. Ты, что ли, не видел табличку? – Он попытался вложить в эти слова как можно больше сарказма.

– Видел, там было твоё имя. – Тони невозмутимо уселся на кровать Джека.

– А сразу под именем написано: «Входить без разрешения строго воспрещается»!

Недавно Джек увидел похожую табличку у одноклассника и захотел такую же себе. Родителям идея не понравилась, и хотя Джеку разрешили оставить намертво приклеенную дощечку, запрет ни на кого должного эффекта не производил. Даже на гостей.

- Пообещай, что никому не расскажешь, – продолжил Тони заговорщицким шёпотом.
- Что не расскажу?
- Да тайну же!

Джеку было ни капельки не интересно. Он терпеть не мог, когда вторгались на его территорию, и тем более презирал всякие глупые тайны.

- Обещаю, – ответил он, наклонившись к собеседнику. Почему-то тоже шёпотом.

Джек вытащил из-под кровати не первой свежести носки и натянул их на замёрзшие ступни.

– И пообещай сделать всё, чтобы помочь мне разгадать секрет! – тихо, но церемонно произнёс Тони.

- Чего?
- Пообещай!
- Ладно, обещаю.

Тони достал из-за спины что-то круглое и осторожно передал Джеку.

- Вот, ты только посмотри...

Стеклянный шар размером с небольшой апельсин, гладкий и тёплый на ощупь, сиял в свете фонарика. Внутри Джек разглядел лес – яркий, зелёный, совсем как настоящий! Старые могучие клёны упирались макушками в стены маленькой стеклянной тюрьмы. А среди молодых ёлочек пестрела цветочная полянка. Если бы Джека спросили, из чего сделаны деревья – из пластмассы или глины, – он уверенно ответил бы, что из деревьев: из стволов, веток, листьев, которые шелестели на ветру (*откуда там взялся ветер?*) и малюсеньких травинок.

- Поставь его на тумбочку. – Тони наслаждался произведённым эффектом.

Плохая идея: только вчера с этой самой прикроватной тумбочки на пол полетел стакан и разбился вдребезги.

- А у тебя есть для него подставка? – спросил Джек.

Тони покачал головой:

- Просто поставь его.

Джек осторожно опустил идеально круглый шар на ровную поверхность тумбочки. Другую руку он подставил для страховки – приготовился ловить, – но опасения не подтвердились. Шар словно приклеился к месту, на которое его установили, и, несмотря на всю свою *круглость*, не сдвинулся с него даже на волосок.

Совсем не важно, где началась эта история, главное – где она закончилась. Хотя почему закончилась? Продолжается до настоящего момента – вот так правильной. События, которые изменили жизнь героев, могли произойти в любом маленьком городе, ведь место, пространство и расстояние – весьма условные понятия.

Наверное, и герои могли бы быть другие, даже более достойные, но история почему-то выбрала нас. Ладно, посмотрим, что из этого получится.

Дневник рассказчика

1

Непреодолимые обстоятельства

Сегодня

Норклиф

Алакрион, четвёртый лорд Норклифа, лениво наблюдал из окна, как облака меняют форму. Благо его спальня находилась на верхнем этаже одного из самых высоких зданий города – привилегия высокопоставленной должности – так что до объектов наблюдения было рукой подать.

«Нужно срочно завести женщину, – размышлял Алакрион, разглядев в форме одной тучки нечто соблазнительное. – Рядом с тёплым телом не только меньше будут мёрзнуть ноги по вечерам, но и утром исчезнет тошнотворная скука, которая гонит из мягкой постели ещё до рассвета». Повздыхав о судьбе, четвёртый лорд захлопнул окно и отправился разбираться с делами вчерашнего дня.

На столе накопилось множество бумаг, и Алакриону предстояло искать среди глупых записок, просьб преувеличенной важности и бесполезных донесений шпионов зёрна здравого смысла. Каждый раз он диву давался, зачем их неприступному острову нужна такая серьёзная организация безопасности. Разведчики рыскали по Свободной земле, сотни стражников день и ночь охраняли периметр. Ха! Они годами изучали военное искусство как раз для того, чтобы гонять случайных птиц, которым хватило наглости залететь сюда с большой земли.

Четвёртый лорд пока не подозревал, что уже сегодня его уверенность в неприступности Норклифа сильно пошатнётся.

Норклиф был огромным, окутанным туманом островом, который завис в воздухе посреди неизвестности. Издали могло показаться, что это молочно-белое облако, только не воздушное, а тяжёлое и густое. Если бы возможно было схватить субстанцию пальцами, она потянулась бы сладкой ватой.

Жители парящего острова с гордостью называли его центром мира. Учёные веками разгадывали причину застывшего полёта Норклифа, но так и не найдя ответа, списали всё на магию и пока ещё неизведанные силы природы.

То ли благодаря географической особенности, то ли из-за дружбы с обитающими только здесь летающими чудовищами жители Норклифа пафосно величали себя повелителями воздуха. Спасаясь от холода и тумана в низинах, они вплетали крупницы магии в архитектуру, чтобы возводить здания всё выше. И современные дети наверняка никогда не видели земли, не говоря уже о том, чтобы ходить по ней.

На самых высоких крышах, ближе к солнцу, круглый год выращивались съедобные растения, а иногда и такая почти непозволительная роскошь, как цветы. Верхние этажи занимали уважаемые жители города. Среди них особенной властью были наделены создающие законы и вершащие правосудие шесть лордов Норклифа.

Алакрион взял первый попавшийся свиток и прочитал:

Председатель Гильдии учёных-изобретателей столицы Весра приветствует и сообщает!

Разработка новейших и бесспорно действенных разгонителей тумана даёт первые результаты! Теперь возможно улучшить видимость до двух с половиной мостов и продлить эффект на четверть оборота солнца. При этом температура воздуха повышается с «невыносимо студёной» до

«морозно бодрящей». Убедительно просим выделить средства, необходимые для дальнейших экспериментов.

Алакрион выругался и, смяв письмо, бросил его в разгорающееся пламя камина. Когда эти псевдоучёные уяснят, что избавиться от тумана невозможно? Он – часть существования, такая же неотъемлемая, как воздух, которым они дышат, и пища, которую едят. Разве без этого природного явления Норклиф мог бы называться страной туманов?

С тоской глядя на внушительную гору бумаг, Алакрион всё-таки решил нанять помощника. Или помощницу, симпатичную. Замечательно было бы проснуться утром, а все документы уже аккуратно рассортированы на просьбы, донесения, дела первой важности и всякую ерунду.

Лорд взял следующее письмо, с печатью Службы шпионов. В донесении сообщалось:

На Свободной земле была замечена Дария. Вероятность – один к восьмидесяти.

– Один к восьмидесяти! – воскликнул Алакрион в негодовании, отправив и это письмо в огонь. Он ведь просил не тревожить его всякими недостоверными сплетнями.

Четвёртый лорд ещё помнил шокирующую новость об убийстве короля Марилии – Бриена. Тогда Алакрион надеялся, что указанная вероятность, равная появлению радуги после дождя, окажется ошибочной. К сожалению, в тот раз шпионы добросовестно выполнили свою работу, даже имя убийцы ни у кого не вызвало сомнений. Дария. Так долго о ней не слышали, а теперь какой-то балбес осмелился предположить, что Дария возьмёт и покажется на Свободной земле. Конечно, отделяющая Норклиф от Марилии территория на то и называлась свободной, чтобы каждый злостный преступник и обычный вор могли чувствовать себя там в безопасности. Но Дария не так предсказуема.

Алакрион подошёл к широкому книжному шкафу и достал двенадцатый том современной истории: годы 1100–1200. Он открыл посвящённую Марилии главу и, пролистав три сотни страниц, нашёл портрет двух сыновей Бриена. Один из них теперь был королём. Если обстоятельства сложатся удачно, скоро с ним они познакомятся лично.

От размышлений Алакриона оторвал энергичный стук в дверь. В комнату без приглашения влетел долговязый растрёпанный юноша. Он был облачён в тёмно-зелёные доспехи с изображением устремляющейся в облака башни, что выдавало принадлежность к охране периметра. Алакрион сразу догадался, что парень недавно заступил на службу – уж очень волновался.

– Простите, четвёртый лорд, меня впустила ваша служанка...

– Что случилось? – сурово перебил Алакрион. – Что могло произойти в такую рань?

– У нас чужие! Никто не понимает, откуда они взялись! Час назад их обнаружили стражники северной стороны.

Неделю назад

Мэривилль

По ночам город похож на книгу. Тихонько шурша в такт песне сверчков и потрескиванию светильников, обветшалые страницы заполняются сновидениями.

А утром, проснувшись, город превращается в машину. Он скрипит рессорами, стучит поршнями и бесперебойно гудит, заправляя свой вечный двигатель каждой повседневной житейской суетой.

Джеку так казалось. Или он просто хотел спать. Может быть, он уже спал: пришёл в университетский парк, разлёгся на траве в тени деревьев, где земля не успела прогреться, прикрыл глаза и задремал.

– Сегодня вечером, – пробормотал Джек, чтобы проверить степень своего бодрствования.

Его лучший друг Тони сидел рядом, обложившись книгами и конспектами, и изучал дифференциальные уравнения второго порядка. Кажется. То ли он увлёкся решением, то ли Джек произнёс реплику про себя – ответа не последовало.

Минувшее ночное дежурство в больнице нельзя было назвать лёгким. Ближе к полуночи снова наведалься миссис Родригес, на этот раз уверенная, что жена младшего сына подсыпает в её томатный суп порошок сушёной белладонны. Миссис Родригес виртуозно имитировала симптомы отравления и настаивала на промывании кишечника.

Джек с трудом отговорил её. Под видом противоядия он вколол пациентке комплекс витаминов и строго наказал пить травяной чай, отдыхать и избегать всяческих переживаний. Сработало: миссис Родригес ушла в превосходном здравии и расположении духа, однако Джек не сомневался в её скором визите с очередной выдуманной болезнью.

– Ты меня слышал? – Джек растёр щёки ладонями.

– Я тебя не слышал, – не поднимая головы, Тони делал пометки карандашом. – Зачем мне отвлекаться, если я и так знаю, что ты скажешь? Каждый день грандиозные планы на вечер. Ну да, ну да... очередное свидание с кем-нибудь? Учти, имена я не запоминаю.

Друг сильно преувеличивал – Джеку всё-таки приходилось много работать. Он не жаловался, напротив, последние месяцы Джек чувствовал себя свободным и счастливым, как никогда прежде. Он условно легально проходил практику в больнице Мэривилля: ночная смена три раза в неделю. Неоконченного образования хватало для того, чтобы делать обходы, ставить капельницы и менять ночные горшки, а также обрабатывать раны и накладывать швы ночным пациентам.

Хорошо, что его не видел отец, некогда главный врач этой больницы.

Джеку больше нравилось подрабатывать в университетской библиотеке, среди книг. В их приёме и сортировке он находил медитативное успокоение. Джек любил перелистывать страницы, как бы проверяя их на повреждения, а потом брал в подсобке стремянку на колёсиках и развозил книги по местам: путешествовал между рядами, поднимаясь почти до потолка к верхним стеллажам и ползая по полу, чтобы заставить нижние. Бесконечные многотомники, впитавшие знания веков и поколений, превращали библиотеку в отдельную вселенную: сжатая под воздействием физическо-магических сил, в случае взрыва она могла бы поглотить все здания университета с его колоннами и ярко-оранжевыми кирпичными стенами, а то и весь город.

В отличие от надменного Бостона, куда родители Джека недавно перебрались ради новой должности отца, Мэривилль казался маленьким, компактным. Местные жители приходились друг другу либо знакомыми, либо родственниками.

– Тони, вот ты такой умный... – Джек зевнул. – Почему ты приехал учиться сюда, а не в какое-нибудь престижно-пафосное заведение?

Едва удержавшись, чтобы не закатить глаза, Тони принялся складывать в сумку рабочие материалы. Это не помешало ему ответить:

– Потому что знания, как и возможность приумножить их, везде одинаковые, а амбиции являются не просто нездоровой деформацией сознания, а опасным психическим отклонением. И кстати, сегодня никаких свиданий.

– Почему это?

– Потому что сегодня у Грэйс день рождения.

– Да нет же, не может быть! Какое сегодня число?

– Второе.

Джек почувствовал себя несчастным и одновременно очень виноватым.

– Чёрт, ну почему сегодня?

– Хорошо, я передам Грэйс, что её праздник приходится на неудачный день, и попрошу перенести его.

Тони забросил тяжёлую сумку на плечо и направился к боковому входу в университет со стороны парка.

– Не говори глупостей! – Джек поспешил за ним.

– Ты правда забыл?

– Я не забыл про день рождения – я забыл, какое сегодня число. Ты ведь знаешь, что у меня плохая память и не бывает мне из-за этого врачом!

Они прошли по аллее, обрамлённой высокими тополями, и Тони остановился у распахнутой входной двери.

– Ты пока не стал врачом, Джек, потому что ты ленивый и безответственный раздолбай, – беззлобно сказал он.

– Это тоже. – Джек пожал плечами, несколько не обидевшись. – У тебя есть подарок? Вернее, у нас?

Друг взглянул на него с притворным отвращением, но уже через миг смягчился:

– Да, запоминай. Мы с тобой купили для Грэйс новый плеер. Он маленький и лёгкий, может крепиться к одежде. Батарейка не садится несколько месяцев, наушники беспроводные. Музыка мы тоже уже закачали.

– Как здорово мы всё придумали, – искренне восхитился Джек. – Ты сейчас куда?

Тони привычным жестом пригладил волосы и ответил нарочито равнодушно:

– Сейчас история по расписанию.

Несколько студентов, которые также намеревались попасть на лекции вовремя, протиснулись в проход и увлекли Тони за собой. Джеку пришлось поработать локтями, чтобы отстоять право остаться снаружи.

– Может быть, ты перестанешь посещать предметы, которые тебе не интересны, а уже познакомишься с *ней*? – крикнул он вслед.

– Мы знакомы, – послышался взволнованный голос Тони, – и мне интересна история! А также античная литература.

– Безусловно. С тех пор, как *она* появилась, тебя вдруг затянуло в гуманитарную пучину. И тот трёхсекундный эпизод, когда у тебя одолжили ручку, кстати, знакомством не считается!

Ему пришлось отойти, чтобы пропустить следующую компанию студентов. В толпе между входом и лестницей Джек увидел поднятую руку. Он подпрыгнул и помахал в ответ, после чего направился в противоположную сторону. В его собственные планы на ближайшие часы входили только быстрый перекус и глубокий сон.

Время приближалось к полуночи, когда Джек, вооружившись ярким сиреневым цветком в горшке, подошёл к дому Грэйс. Название подарка он выговорить не мог, зато по размеру и весу растение превосходило его угрызения совести. Все окна были тёмными, только фонари и почти полная луна освещали улицу.

Джек обошёл дом вокруг, остановился под окном на втором этаже, где находилась спальня Грэйс, и спрятал цветок. В век продвинутых технологий не было надобности искать камешки и бросать их в стекло, так что он достал телефон и написал самое банальное сообщение из всех возможных: «*Не спишь?*».

«Сплю», – пришёл ответ.

Ха! Так просто он не сдастся.

«*Стань у окна, убей луну соседством*», – написал Джек.

Экран засветился ответным сообщением:

«*Кто это проникает в темноте в мои мечты заветные?*»

Джек рассмеялся и, больше не вспомнив у Шекспира подходящей цитаты, просто написал: «*Я хочу тебя увидеть*».

Почти сразу в комнате загорелся свет. Грэйс подошла к окну. На ней была тёмно-синяя пижама, усыпанная изображениями тортиков и эклеров с кремом. Телефон в руках подсвечи-

вал улыбку и растрепавшиеся волосы. Грэйс явно ещё не спала – она обижалась, но всё же обрадовалась припозднившемуся гостю.

«С днём рождения. Это тебе!» – Джек достал из укрытия цветок и помахал им.

Если бы он не искал так долго работающий цветочный магазин – трудная задача после полуночи, – пришёл бы пораньше. Но боги искупления вины ему благоволили: Джек нашёл и флориста, и огромный красивый цветок в горшке, за который отдал приличную часть одной из зарплат. Букеты Грэйс не любила – расстраивалась, когда увядшие цветы приходилось выбрасывать.

Джек написал: «*Выйдешь ко мне?*».

Грэйс почесала нос, но, поразмыслив недолго, кивнула и скрылась из вида. Свет в её комнате стал ярче, затем вовсе погас, и уже через пять минут Грэйс выбежала на улицу. Она сменила смешную пижаму на джинсы и футболку, стянула растрёпанные волосы в хвост и стояла теперь перед Джеком, смущённо улыбаясь и чуть раскачиваясь.

– Я весь день ждал, когда смогу увидеть тебя. – Джек крепко обнял её и поцеловал в лоб. – С днём рождения.

* * *

*Если могли вы забыть Одиссея,
 который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил,
 как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров,
 он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо,
 насилъно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен
 возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных,
 с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту
 многоводного моря.*

Гомер. Одиссея. Песнь пятая¹

За пятнадцать минут до начала лекции по литературе Старого Света, в летнюю программу которой входила античная культура, аудитория уже наполовину заполнилась. Кто-то читал, большинство склонились над телефонами, а некоторые особенно старательные студенты переписали спроектированный на стену отрывок.

– Грейс сегодня утром опоздала на лабораторную по химии, – с укором сказал Тони, раскладывая вокруг себя книги, словарь, цветные ручки и блокнот. Он посещал этот предмет для ознакомления и не собирался сдавать тесты, но стремился вынести из потраченных часов максимум пользы.

— Да, мы вчера выпили немного.

Полный презрения взгляд был ответом на улыбку.

– В самом деле немного?

¹ Цит. в переводе Жуковского. – Прим. ред.

– В самом деле. – Джек безуспешно пытался сдержать широкий зев, ставящий под сомнение его рассказ. – Посидели в баре, выпили пару коктейлей... Я ведь не мог не отпраздновать с Грэйс день её рождения.

– Всё надо делать вовремя, а не заставлять друзей подстраиваться под тебя, – заметил Тони. Он уже в третий раз нервно обвёл взглядом зал, мельком посмотрел на дверь и вновь изучил все места в аудитории.

– А если *она* не объявится до начала, мы успеем свалить и заняться чем-нибудь поинтереснее? – съязвил Джек.

Вопрос был проигнорирован – Тони как раз выискивал переведённый отрывок из «Одиссеи» в томике с оригиналом. Открыв нужную страницу, он пробубнил себе под нос текст и выписал незнакомые слова, после чего сообщил как бы между прочим:

– Надеюсь, до вечера Грэйс оправится и на предстоящем свидании будет чувствовать себя хорошо.

Джек поперхнулся воздухом.

– Вон там. – Тони указал на первый ряд, где в углу сидел ничем не примечательный блондинистый парень. – Его зовут Теодор Уолш. Они с Грэйс познакомились несколько недель назад на концерте и с тех пор иногда гуляют вместе. Сегодня первое настоящее свидание. Теодор приятный, добрый и воспитанный, он тоже любит музыку.

Джек с плохо скрываемым отвращением оглядел избранника Грэйс. Высокий, одновременно худой и широкоплечий, с приплюснутым носом, но мужественно выдающимся подбородком. О, этот подбородок, должно быть, скрывал от его взгляда книгу на коленях. Характеристика Теодора, внешний вид и даже его занудное имя нагоняли тоску.

– Не годится, – огласил Джек результат торопливых исследований.

В попытке спрятать улыбку Тони ниже склонился над книгой.

– Сомневаюсь, что Грэйс может заинтересовать подобный экземпляр, – продолжил Джек, надеясь услышать от друга смешок с поддакиванием.

– Хм.

– Между прочим, такие тихони с заурядной внешностью чаще всего имеют багаж комплексов и оказываются извращенцами!

Вот же весомый аргумент! Но и он не произвёл впечатления на Тони.

– Пусть этот Теодор и не маньяк, он наверняка унылый сноб. Нам с тобой пора решить, кому сегодня вечером спасать Грэйс и развлекать её после неудачного свидания.

Тони перелистнул страницу и наконец решил поддержать разговор:

– Пусть это будет тот, кто больше ревнует.

Джек фыркнул. Странно было слышать столь нелепые выводы от человека, с которым его больше десяти лет связывала тесная дружба.

– Я не ревную, – вкрадчиво ответил он.

– Хм.

– *Я не ревную*. Просто этот зануда не подходит Грэйс. Поверь, как только она встретит своего прекрасного принца, я первым благословлю счастливую пару.

Теперь рассмеялся Тони:

– Ох, напомню я тебе эти слова.

– Уж не забудь! – Взглянув на входную дверь, Джек мстительно оскалился. – А пока можешь прятаться под стол – твоя принцесса идёт.

Её звали Самира. Она появилась в университете два месяца назад, и волею случая или судьбы в наполненном студентами холле именно у Тони она спросила дорогу в деканат.

В вопросах романтических отношений, как, впрочем, и во многих других вопросах, Тони придерживался рациональных взглядов. Он считал, что внешность вторична, а единственный способ влюбиться – это провести много времени вместе. Но в то утро, когда Тони смотрел

вслед удаляющейся Самире, его нейронные связи переключились, и мозг вместе с остальным организмом заработал по-новому. С тех пор они не обменялись ни одним словом, зато Тони узнал расписание девушки и в ту же неделю сам начал посещать литературу и историю.

Как человек с хорошим зрением, Джек признавал, что Самира привлекательная. Весьма бесцветное определение для неё: привлекательная. Конечно, у многих девушек бывают выразительные голубые глаза, длинные волосы цвета акациевого мёда и фигура, приятные изгибы которой понуждают обернуться и рассмотреть их со всех сторон. Но Самира таила в себе нечто загадочное, притягательное... её образ сохранялся на сетчатке и будоражил фантазию.

И всё же Джек не ожидал, что его здравомыслящий друг попадёт под такие примитивные чары. Станет краснеть, приглаживать чёлку, одёргивать воротник и подолгу торчать в коридоре, зная, что Самира может пройти мимо.

Дождялся наконец. Самира вошла в аудиторию перед самым началом лекции и заняла свободное место рядом с Джеком. Тони вжался в стул.

– Привет, – весело поздоровался Джек.

Самира кивнула. Не захватив книг или конспектов, она просто сложила руки на коленях и переключила внимание на отрывок из «Одиссеи». А через минуту появился профессор Маршалл, и лекция началась.

Джек не слушал. Чувствуя себя Одиссеем между Сциллой и Харибдой, он мечтал исчезнуть. Мистер Маршалл рассказывал что-то важное про предстоящий тест, а Джек размышлял о более насущном: как заставить девушку справа обратить внимание на его робкого друга слева. Тони сосредоточенно конспектировал, изображая невозмутимость, безразличие и другие чувства, не имеющие отношения к действительности.

Тем временем профессор Маршалл перешёл к основной части занятия и спросил студентов, какие черты характера, по их мнению, формируют героя поэмы. Конечно, ум, хитрость и находчивость назвали сразу. Когда очередь дошла до Тони, он сказал:

– Преданность. Преданность семье, родине. Ведь Калипсо могла подарить ему вечную жизнь, но Одиссей выбрал опасный путь домой.

Самира издала неясный звук, похожий на смешок. А мистеру Маршаллу ответ понравился, и он одобительно кивнул.

– Джек?

Профессор прекрасно знал, что Джек от скуки просиживает штаны на его лекции, но не собирался дать ему поспать.

– Непомерная гордыня – верный проводник на пути к краху, – ответил Джек.

– Поясни.

– Что, как не тщеславие Одиссея запустило череду несчастий и повлекло долгие годы скитаний? После спасения из пещеры Циклопа Одиссей сначала назвался «Никто», но потом не удержался и выдал своё имя. А разборки с Посейдоном с чего начались? Вот именно. Преданность – в некоторой степени; всё же он хотел вернуться на родину великим героем, победившим в войне, чтобы слушать хвалебные песни и благодарности.

– Ты прав наполовину, – шепнул Тони, – в первую очередь Одиссей мечтал вновь увидеть жену и сына, а уж потом...

– А ты слишком хорошо думаешь о людях.

Профессор пока не стал комментировать ответ и обратился к Самире:

– Мисс? Простите, не знаю вашего имени. Как вы считаете?

Самира задумалась на минутку и звонким голосом спросила:

– Как назвать героя, который оставляет любимую жену ради подвигов и славы?

– Болван, – ответил мистер Маршалл. В зале раздались смешки.

– Тогда это мой ответ, – сказала Самира.

Профессор снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула и разгладил плечи. Поскрёб ногтем маленькое пятнышко от кофе на воротнике, сдвинул портфель так, чтобы ручка легла параллельно краю стола, – так он обдумывал деликатный ответ.

– Попробуйте не оценивать поступки героя столь поверхностно, – сказал профессор мягко, – если детально рассмотреть...

– Я не собираюсь ничего рассматривать, – перебила Самира невежливо. – Выбор сделать просто, нужно лишь распределить для себя чаши весов.

Все смотрели на неё, даже Тони позабыл о смущении.

Сэм Маршалл тринадцать лет преподавал литературу в этом университете и выработал в себе терпение и стойкое чувство такта. К примеру, он ни разу не позволил себе обвинить студента в тупости.

– Сделать выбор бывает непросто, – попытался объяснить он. – Романтики называют любовь главным курсом в жизни, но когда речь идёт о чести и долге, чувствами приходится жертвовать. Порой бывают *непреодолимые обстоятельства*. Вы читали поэму, мисс?

Ничего не ответив, Самира подскочила и, пусть торопливо, но сохраняя осанку королевы, вышла из аудитории.

Сорок минут спустя Джек сидел в кабинете профессора Маршалла в ожидании его самого. В животе неприятно заурчало, и Джек в очередной раз коротко взглянул на закрытую дверь. Зачем профессор послал за ним, если собирался так надолго задержаться?

Кабинет был небольшим, но заполненным максимально возможным количеством нужных, а также вовсе не обязательных предметов. Рабочий стол выглядел полем битвы между книгами и конспектами; Джек нашёл и успел три раза перевернуть красивые песочные часы, рассмотрел все фотографии в рамочках, понюхал засохшее содержимое нескольких запылившихся чашек. Здесь же поместились глобус и стаканчик от мороженого, который получил вторую жизнь в качестве хранилища для канцелярских принадлежностей.

Это сейчас профессор Маршалл был солидным respectable мужчиной немного за сорок, который всегда вовремя приходил на работу и уходил домой, носил квадратные очки, костюм и кожаный портфель со сломанной застёжкой. А в молодости, так говорили, он слыл неугомонным путешественником. Большая карта на стене с множеством красных флажков в самых неожиданных уголках мира демонстрировала историю его приключений. Теперь с трудом верилось, что двадцать лет назад Сэм Маршалл как-то заблудился в тропическом лесу Амазонки и питался поджаренным на костре мясом змей. Возможно, это была сильно приукрашенная правда или вовсе выдумка – сам профессор ничего не подтверждал и не опровергал, а позволял историям свободно курсировать по университету, обрастая новыми прикрасами.

Остальное пространство комнаты выглядело так же, как письменный стол. Здесь были маски (некоторые довольно жуткие), фигурки животных из дерева и глины, статуэтки мифических существ, ракушки, скелеты рыб, шкатулки, пугающие ветхостью книги и один стеклянный шар.

Дверь отворилась, профессор Маршалл вошёл с портфелем под мышкой и двумя стаканчиками кофе:

– Прости, что задержался, Джек.

Пристальный взгляд вверх очков.

– Ничего страшного, я никуда не тороплюсь. – Джек красноречиво поёрзал на стуле.

– Да, я знаю, что не торопишься.

Вот, началось. Не требовалось выдающихся аналитических способностей, чтобы расслышать в этой короткой фразе укор.

– Будете ругать меня за то, что просто так посещаю лекции? Занимаю чьё-то место? – спросил Джек.

Мистер Маршалл покачал головой:

– Я не собираюсь ругать тебя – напротив, я рад, что ты чем-то интересуешься. Но было бы гораздо лучше посещать лекции официально: сдавать экзамены, получить диплом... Ты не считаешь?

Джек не считал. Разве могут сложности в жизни её улучшить? Вслух он просто сказал:

– Эм...

– Безусловно, наше учебное заведение скромнее твоего предыдущего. Здесь нет медицинского факультета. Но если ты хочешь остаться, попробуй найти что-нибудь для себя.

Чтобы отсрочить ответ, Джек, морщась от неприятной горечи, большими глотками выпил весь кофе.

– Вы предлагаете мне зачислиться в университет и изучать какую-нибудь специальность? Прямо сейчас, в этом году? – Он отставил пустой стаканчик.

– Мне кажется, это было бы разумно.

– Наверное. Но могут возникнуть затруднения.

– Какие затруднения?

Ещё одну передышку Джеку обеспечил телефонный звонок. Профессор коротко обсудил с какой-то женщиной организационные вопросы, положил трубку и с вежливым интересом приготовился слушать.

– Понимаете, мистер Маршалл... я не смогу поступить в новый университет, пока не отчислюсь из старого.

– Что? Я так и знал. – Профессор хлопнул ладонью по столу. – До сих пор? Джек, ты ведь уже полгода здесь.

Джек потёр подбородок:

– Мне как-то не до того было.

– Это безответственно.

– Я знаю. Но, сбегаю из тюрьмы, вы едва ли станете предупреждать охранников. Я никому ничего не сказал, не забирал документы – просто уехал. – Джек потянулся в карман за сигаретами, но сообразил, что сейчас не время. – Как вы думаете, они уже заметили, что меня нет?

Профессор Маршалл вздохнул – тяжело так, будто разочарованно.

– Ты толковый парень, мне горько смотреть на то, что ты делаешь со своей жизнью, – сказал он тем самым тоном, который действует эффективнее криков и угроз. От подобного тона голова вжимается в плечи, на лбу выступает пот, а уровень чувства вины достигает критической отметки.

– Моя жизнь только начинается, – попытался оправдаться Джек, – я просто пока не нашёл себя и не понял, чего хочу. Ведь я работаю в больнице и в библиотеке – не бездельничаю. Да, я свернул с красивой дороги в дремучие кусты, но от этого я только счастливее.

Профессор устало улыбнулся и кивнул. Однозначный сигнал для бегства: Джек почти успел подняться и сделать шаг к двери, как его остановили невнятным, но очевидным жестом.

– погоди, Джек, я хотел ещё спросить кое-что, – как бы ненавязчиво сказал мистер Маршалл, протирая стёкла очков. – Та девушка, которая сидела сегодня рядом с тобой, ты хорошо её знаешь?

Ага, вот и истинная причина разговора по душам!

– Не особенно, – ответил Джек уже у двери, – её зовут Самира – фамилии не помню. За два месяца у нас она, кажется, нигде не показывалась, ни с кем не общалась и посещает только ваши предметы.

Профессор закашлялся.

– Это всё? – уточнил он деловито.

– Всё.

– Хорошо. Спасибо, Джек, можешь идти.

Как только Джек вышел из кабинета и закрыл за собой дверь, улыбка сошла с его губ. Голодный и невыспавшийся, он изрядно устал от нравоучений. Все желали добра и знали, как лучше, а Джек нуждался в покое. Он сказал, что счастлив, и не соврал, однако счастье это мыльным пузырьём застыло на острой вершине пирамиды и в любую минуту могло покатиться вниз, а то и вовсе лопнуть.

Джек достал сигарету и ускорил шаг. Времени до рабочей смены в библиотеке осталось совсем мало, так что ему пришлось выбирать между обедом и глотком свежего табачного дыма. Остаток дня Джек собирался провести в архиве, где его уже ждался каталог подлежащих списанию изданий. Пока Тони с Грэйс слушали скучную лекцию по органической химии, рисовали бензольные кольца и учили сложную номенклатуру, он хотел насладиться одиночеством под тихое шуршание страниц.

К сожалению, даже самые простые желания иногда не исполняются.

Джек уже добрался до предпоследней буквы в каталоге, когда ему позвонил отец. Даже странно, что ему доложили о побеге Джека только сейчас... Следующие сорок минут динамик изрыгал тысячу признаков его никчёмности и заверения в трагическом конце его бесполезной жизни. Отец никак не мог определиться. Джеку следовало сегодня же приехать, попросить прощения и вернуться к учёбе, но в то же время его лишили гордого звания «сын» и изъявили желание больше никогда его не видеть. Что ж, это Джеку точно было по силам.

Последние дни его не покидало предчувствие катастрофы, что-то сжимало грудь, будило по ночам и не давало снова уснуть. Теперь самый неприятный разговор, наверное, случился. Осталось только пережить звонок матери и успокоить её истерику до того, как она начнёт изображать сердечный приступ.

Джек отругал себя за цинизм. Подавляемое чувство вины просилось наружу и советовало сделать первый шаг: объясниться с матерью, пообещать ей заботиться о себе и попросить прощения за неоправданные ожидания.

Жуткое это слово – ожидания. Оно похоже на карусель, в которой красиво украшенные лошадки движутся в одном направлении с заданной скоростью, не имея возможности свернуть с пути или хотя бы оглядеться по сторонам.

В честь прадеда Джека назвали больницу. Его дед был известным хирургом, а отец успешно продолжил дело семьи. Закономерно, что будущее для Джека было определено в ультимативной форме и, казалось, не предполагало осечек. Только его бабушка, врач-психотерапевт по специальности и призванию, иногда напоминала о праве выбора для каждого.

Джек скучал по бабушке... Интересно, какой диагноз он бы заслужил? Удостоился бы похвалы за решительность? Ведь в то время, как отец называл его инфантильным, ленивым и безответственным, бабушка утверждала, что Джек просто ещё не нашёл свой путь.

Но когда это случится – путь его будет выдающимся.

Джек решил заняться выбором судьбы в какой-нибудь другой день. Пока он пораньше ушёл с работы и в поисках нового убежища отправился в университетский парк, к дереву свиданий. Это был огромный клён, который стоял здесь не первую сотню лет, а старая скамейка под ним для многих поколений служила местом встреч, свиданий, а в отсутствие компании – меланхолических споров с внутренним голосом.

Вторая бутылка пива почти опустела. Жалость к себе достигла того масштаба, который может оправдать любое действие. Джек потянулся за телефоном и набрал первый номер в списке избранных контактов.

После шести томительных гудков вместо приветствия он услышал грохот.

– Грэйс? У тебя там всё в порядке? – Джек приподнялся в рефлекторном порыве бежать на помощь, но раздавшийся из динамика смех успокоил его.

– В порядке. – Грэйс звучала рассеянно. – Это я, растяпа, уронила утюг. Хорошо, что ещё холодный. И не на ногу.

Она вновь рассмеялась, но Джек не подхватил. Он вздохнул – так же громко и тягостно, как несколько часов назад профессор Маршалл.

– Ты, кажется, собираешься куда-то... Прости, что побеспокоил. Хорошего тебе вечера, Грэйс, не буду мешать.

Не дожидаясь возражений, Джек сбросил вызов и уставился на телефон. Экран оставался тёмным. Ответного звонка не поступало так долго, что он не выдержал и вновь набрал номер:

– Я просто хотел напомнить тебе выключить потом утюг.

– Джек, у тебя что-то случилось? – неуверенно спросила Грэйс.

– А если случилось, ты придёшь? Ты... нужна мне.

В признании не было лукавства. Увидеть её сейчас было самым естественным и сильным желанием.

– Хорошо, где ты?

Джек мысленно разложил эмоциональную окраску её голоса на составляющие и выделил для себя смятение, беспокойство и – он надеялся – радость от его звонка.

– Под клёном для свиданий.

Грэйс не ответила, но Джек знал, что она кивнула. А сам он опять занялся ожиданием. Расправил воротник рубашки, выпил остатки пива и выбросил пустые бутылки в урну. Провёл ладонью по поверхности скамейки, проверив её чистоту, смахнул пушинки одуванчиков и щелчком отправил в полёт божью коровку.

Авторы мотивирующих книг и видеороликов предлагают жить в настоящем моменте. Убеждают в красках, что *вчера* или тем более *завтра* не существует – есть только *сейчас*. Так вот, *сегодняшнее сейчас* растянулось для Джека тягучей жевательной резинкой, которая уже потеряла вкус и стала жёсткой, поэтому он с нетерпением ждал, когда наступит *завтрашнее сейчас*. Он отсчитывал временные отрезки, наблюдая за вяло плетущимися стрелками больших круглых часов, которые венчали главный вход в университет.

Грэйс появилась, когда часовая и минутная стрелки встретились на цифре девять. Она села рядом, молча протянула Джеку тёплый сэндвич с ветчиной и приняла пост наблюдающего за часами.

Джек тем временем изучал её колени.

– Ты надела платье, – констатировал он, откусив большой кусок.

Он не подозревал, что у Грэйс в шкафу можно найти что-то, не состоящее из двух штанин. Данный редкий экземпляр василькового цвета был лёгким, свободным и никак не подчёркивающим фигуру, зато, когда Грэйс присела, взору открылись её колени.

– И накрасила глаза, – продолжал Джек делиться наблюдениями.

– Да, я нарядилась и накрасилась – девушки иногда занимаются подобной чепухой. А я всё же осмелюсь причислить себя к девушкам. У меня глаза красивые, между прочим, и ресницы есть.

– И ноги!

– И ноги, – согласилась Грэйс. – И даже грудь. Ну... чуть-чуть.

Джек посмотрел на упомянутую часть тела и кивком подтвердил её наличие.

– Ты очень красивая, – сказал он.

– Спасибо. Что у тебя произошло?

Его настроение, которое рядом с Грэйс начало улучшаться, вмиг испортилось.

– Отцу доложили, что я бросил медицинскую школу, – быстро выпалил Джек и яростно сжевал остаток сэндвича.

– О! – воскликнула Грэйс. – О, Джек, ты в порядке?

– В полном! Теперь я могу проживать свою жизнь так, как пожелаю.

Взяв его за руку, Грэйс неосознанно пересчитывала костяшки пальцев – от указательного к мизинцу и обратно.

– А как бы ты хотел проживать свою жизнь? – спросила она.

– Понятия не имею, но сейчас меня всё устраивает. И я не хочу таких вопросов! Я позвал тебя, потому что нуждался в лучшем друге, а твоя задача – слушать меня, жалеть и гладить по голове. – Джек лёг на скамейку и положил голову ей на колени. – Можешь приступить.

– Я твой лучший друг?

– Да, конечно, только Тони об этом не рассказывай.

Грэйс улыбнулась и послушно принялась перебирать его волосы.

– Скажи, а у твоего отца тоже были какие-то особенные ожидания относительно тебя? – спросил Джек. Снизу он не мог хорошо разглядеть её лицо, но почувствовал реакцию на вопрос в руках – прикосновения стали нежнее.

– Он взвалил всё только на себя, – ответила Грэйс, – старался быть идеальным родителем после того, как мама ушла, хотел компенсировать мне её отсутствие всеми доступными способами.

– Есть ли какой-то кружок в нашем городе, который ты не посещала? – Джек хохотнул.

– Даже и не знаю... Помнишь, в первом классе какой-то хулиган толкнул меня?

– Помню, я его тогда хорошенько отметелил.

– А я на следующий же день приступила к занятиям по боксу. Ненадолго, правда.

Грэйс могло разонравиться очередное увлечение, и ей тут же позволяли его бросить. Отец-одиночка вызывал восхищение как у разведённых, так и у счастливо замужних мамочек, считавших, что их собственные спутники жизни совсем не занимаются детьми и в принципе ни на что не годятся.

– Мне кажется, балет ты зря бросила, – сказал Джек, – у тебя хорошо получалось. И фигура для этого подходящая.

После верховой езды балет стал последним и самым продолжительным увлечением Грэйс. Она отказалась от занятий несколько лет назад и решительно заявила, что отныне всё время будет посвящать учёбе и домашним делам. На этом эксперименты и закончились.

– Ты прав, наверное. – Грэйс почесала кончик носа. – Просто однажды я почувствовала, что музыка намного сильнее, а я своими неуклюжими движениями не могу передать и малой части её волшебства. Приятнее, закрыв глаза, слушать... и представлять себе всё, что хочется. В мыслях можно парить над городом, танцевать на крышах в лучах заходящего солнца и, не переводя дыхания, сделать больше тридцати двух фуэте.

– Ты чересчур часто пропадаешь в мечтах, – заметил Джек без всякого упрека.

– Наверное, реальности мне недостаточно.

– А я желаю иногда, чтобы реальности стало поменьше. Кстати, я только что понял, как готов провести остаток жизни: хочу крепкими корнями врасти в эту скамейку и лежать здесь, смотреть на звёзды сквозь ветки клёна и чувствовать на лбу твои руки.

На миг Грэйс замерла в нерешительности.

– Мне кажется, что ты способен на большее, – ответила она медленно, подбирая каждое слово. – И если бы ты сумел разглядеть себя таким, каким я тебя вижу...

Позабыв о намерении лежать вечно, Джек резко сел, придвинулся к Грэйс вплотную и уставился на её зарумянившиеся щёки.

– И какой я? – спросил он требовательно.

– Ты хороший друг, преданный и смелый, ты внимательный, – перечислила Грэйс и вдруг добавила храбро: – А ещё ты красивый.

Румянец смущения на её щеках сменился бледностью.

– Я эгоистичная свинья, – поспешил разочаровать её Джек, – я, между прочим, знал, что у тебя сегодня свидание, и намеренно его испортил.

– В самом деле? – Грэйс машинально поправила волосы, проверяя, не видны ли её уши.

– Да. С неким Теодором Уолшем. Стыдно ли мне? Ничуть! Я рад, что нарушил твои планы.

– Почему?

– Потому что он тебе не подходит, – сообщил Джек категорично, – крайне неприятный тип. Ты видела, какой у него подбородок? Да под ним несколько детей могут спрятаться от дождя! Поверь, он тебя недостойн.

– А кто достоин? Может быть, ты?

Она постаралась произнести это ненавязчиво, придать словам оттенок дружеской шутки, но Джек физически ощутил их вес.

– Только не я, – ответил он с нервным смешком. – Я недостойн даже твоего общества в этот вечер. Но почему-то ты выбрала меня.

– Я всегда выберу тебя, Джек.

Уже совсем стемнело, и ночные светила захватили власть на небе. Джек отметил, как лучисто звёзды отражаются в её глазах, и почти подошёл к тому самому краю, у которого принято произносить подобные пошлости.

– Я хочу поцеловать тебя. – Джек думал об этом последние минуты четыре и вот сказал вслух. Эх, нужно было думать громче, представлять выразительнее – тогда Грэйс продолжила бы ровно дышать. Она неестественно вытянулась и замерла каменным изваянием.

– Ладно. – Совладав с шейными позвонками, Грэйс кивнула.

Наверное, наркоман, который уже год находится в завязке и под воздействием внешних факторов начинает задумываться о губительной дозе, не так яростно приказывает себе останавливаться. Джек положил руку на плечо Грэйс и легко сжал напряжённые мышцы, желая, чтобы она расслабилась и не боялась, чтобы вела себя раскованнее и тем самым разделила с ним хотя бы малую часть ответственности.

У часов над входом в университет не было секундной стрелки, но Джек почему-то услышал тиканье. Под навязчивый звук он преодолел последние дюймы до точки невозврата. Первый поцелуй – переваренная, слипшаяся каша из смущения с комками неловкости и крупинками стыда вместо сахара.

– Ты пахнешь мятой, – сказал Джек чуть погодя. Он размяк, почти освоился и уже без всякой робости поглаживал её спину через тонкую ткань платья.

Грэйс хихикнула.

– Это зубная паста, я ведь собиралась на свидание. А ты пахнешь табаком и пивом.

– Это табак и пиво. Я ведь собирался напиться. – Джек потёрся носом о её нос, наклонился к самому уху и прошептал: – Пойдём к тебе?

* * *

Стекло снова нагрелось. Джек отлепил от него лоб и нос, оставив ещё два жирных пятна, и приклеился лицом к окну чуть дальше, где стекло ещё было прохладным. Вчера он неистово хотел, чтобы день закончился – то самое желание, которое всегда исполняется. Миновал вечер, прошла ночь, наступило очередное начало нового дня, который не обещал ничего хорошего. Всю ночь Джек бродил по городу, виртуально подвергая себя пыткам. Ближе к утру, когда закончились сигареты, а мышцы ног ныли уже невыносимо, он завалился в общежитие к Тони и уснул в его кресле. Лучший друг без лишних вопросов предоставил ему воду, подушку, одеяло и чистую футболку. Сейчас Тони приводил себя в порядок, а Джек приклеился к окну и наблюдал за синичками: те весело чирикали, клевали на земле невидимые крошки и, поднявшись высоко в небо, летели куда вздумается. Джек хотел бы превратиться в маленькую синичку.

В дверь постучали.

– Открыто! – крикнул Тони из ванной комнаты и вышел навстречу гостю.

На пороге стояла Самира. А ведь Джек только минуту назад размышлял о вероятных сюрпризах и неприятностях предстоящего дня.

– Мне нужен Джек, мне сказали, что он здесь, – заявила Самира повелительно.

Тони растерялся, будто зубная паста вычистила Джека из его памяти. Легко оттолкнув его, девушка вошла в комнату, а Тони так и остался стоять на месте, делая примерно один вдох в десять секунд.

– Вчера ты был *у него* в кабинете. Что он хотел? – Самира решила не утруждать себя предисловием, элементарным приветствием или всякими там «простите, что потревожила, – вот вам шоколадка».

– Про тебя спрашивал, – честно ответил Джек, вспомнив разговор с мистером Маршаллом.

Самира заметно напряглась:

– И что ты сказал?

– Назвал твоё имя и любимые предметы. А что?

– И всё? – Она угрожающе сощурилась.

– Я больше ничего о тебе не знаю. Послушай, не переживай. – Джек смягчился. – Ты, конечно, вела себя вчера не совсем вежливо, но профессор Маршалл классный и понимающий. Зайди, извинись, покажи заинтересованность в предмете и...

– Мне нужно, – Самира прервала ободряющую речь, – чтобы ты немедленно пошёл к нему и кое-что обо мне рассказал.

Тони наконец разморозился и поставил рядом с Самирой стул, но она проигнорировала предложение сесть, как, впрочем, и самого хозяина комнаты. Это сбило Тони с толку, и он опять застыл.

Странно, раньше таких проблем с девушками у него не наблюдалось. Не то чтобы Тони был популярным (хотя некоторые считали его застенчивость романтической), но для Джека его друг имел объективно приятную внешность. И хотя Тони всегда больше интересовался точными науками, чем искусством завоевания противоположного пола, познакомиться с девушкой и пригласить её на свидание он никогда не боялся. До недавнего времени.

В ответ на странную просьбу Джек хмыкнул:

– С чего бы?

– Я прошу тебя об этом.

– Не аргумент.

Самира взяла небольшую паузу, чтобы зарядить голосовые связки, и продолжила настойчивее:

– Ты должен сказать ему, что ошибся вчера. Что меня зовут... как-нибудь по-другому, что я давно живу здесь и...

Ей всё труднее удавалось сохранять самообладание. В отличие от Тони, который так и не начал дышать размеренно, Самира глотала воздух как выброшенная на берег рыба.

– Боюсь, ничего не получится. – Джек наигранно вздохнул. – Профессор Маршалл не поверит. К тому же, и это главное, у меня нет ни малейшего желания что-нибудь для тебя делать.

Тони прокашлялся. Кажется, шоковое оцепенение прошло и к нему вернулись безусловные рефлексy.

– Если вы не против, я бы хотел понять, что происходит, – вежливо попросил он.

– Ничего особенного, – ответил Джек. – Просто после вчерашнего концерта на литературе Маршалл вызвал меня к себе в кабинет и расспрашивал о Самире. Кстати, Тони, я ведь забыл рассказать тебе главное! Вчера в кабинете у профессора я видел такую же штуку, как у тебя.

– Какую штуку? – Тони опешил, он не успевал так быстро переваривать информацию и перескакивать с одной темы на другую.

– Твой стеклянный шар, помнишь? У мистера Маршалла есть точно такой же.

Джеку показалось, что воздух вокруг него зазвенел.

– Этого не может быть. – Тони испугался и засунул руки в карманы.

– Я тебе точно говорю. Где он?

– Его здесь нет.

– Не говори ерунды, я же знаю, что он всегда с тобой.

Джек уже проводил обыск в ящиках письменного стола.

– Джек, это ведь сейчас неважно, – вновь запротестовал Тони.

Раньше он рассказывал про диковинный шар всем подряд, но всё чаще сталкивался с неприятием, ведь люди охотнее верят убеждениям, чем собственным глазам. Тогда желание делиться у Тони пропало, а со временем даже сменилось страхом, что кто-то узнает и назовёт его ненормальным.

Только Джек почему-то чувствовал, что именно сейчас это очень важно. Он переместился к книжному шкафу. Хоть бы шар был здесь, а то придётся рыться в белье и носках.

Он нашёлся на верхней полке, в коробке с разной мелочью. Вероятно, Тони засунул его туда, к сгоревшему жёсткому диску из ноутбука, неработающей зажигалке и старым разбитым очкам, в очередном приступе разочарования.

– Вот он! Теперь я уверен, что видел такой у Маршалла.

Джек несколько раз подбросил шар, с удовольствием наблюдая за замешательством друга.

– Ты уверен, что такой же? – Тони ревниво отобрал игрушку.

– Да, я совершенно уверен. Шар был на полке, как раз между атласом и третьим томом античной истории. Такой же прозрачный, с объёмным рисунком внутри – только другим. И никуда не катился без подставки.

Воздух зазвенел ещё назойливее, словно соединения между атомами превратились в крошечные струны, которые издавали звуки при вибрации. Джек почувствовал, как под воротом футболки у него вспотела шея.

– Откуда это у тебя? – спросила Самира и тут же испуганно отступила на шаг.

– Это интересная история, – начал было Джек, но Тони поднял руку, прервав его на полуслове. Его смущение перед девушкой разом исчезло.

– Ты знаешь, что это? – спросил Тони тихо. Джеку не понравился ни голос друга, ни очертания его губ, которые вдруг приобрели несвойственную резкость.

Самира вздрогнула:

– Нет.

Синички, дремавшие на дереве после сытного завтрака, шумно разлетелись.

– Ты знаешь, иначе спросила бы, *что это*. А ты спросила, *откуда оно у меня*.

Самира перевела взгляд с шара, который Тони сжал до побеления костяшек, на его такое же бледное лицо, оценила справедливость утверждения и свои шансы выкрутиться. Шансы были невелики. Она не сдержалась, совершила ошибку, которой Тони сразу воспользовался. Не найдя лучшего решения, Самира развернулась и вышла.

– Я открою окно, ты чувствуешь, как жарко? – спросил Джек. – Или это я заболел. Как-то нехорошо мне, в ушах звенит...

Тони его не слушал. Минуту он разглядывал место, где только что стояла странная гостья, а потом так же стремительно выбежал из комнаты. Джек бросился за ним.

Коридор уже наполнился студентами. Некоторые спешили на завтрак, другие собирались провести день с пользой: нагрузившись конспектами, они целеустремлённо двигались к биб-

лиотеке. Большинство просто обсуждали с друзьями планы на день и последние новости разной степени интересности.

Джек сразу заметил Тони в общей толпе. Игнорируя все приветствия, тот уже мчался вниз по лестнице.

– Тони, подожди меня!

Друг не обернулся, только неясно махнул рукой, призывая Джека то ли следовать за ним, то ли остановиться и не мешать. Джек выбрал первое. Он преследовал беглецов по коридорам общежития, затем выбежал на улицу и растерялся, когда ограниченное пространство с закрытыми в нём людьми сменилось открытой местностью.

Джек догнал Тони с Самирой на мосту для пешеходов и велосипедистов, возвышающемся над скоростной трассой. От бега у Тони покраснели щёки и закудрявились волосы на вспотевших висках. Он дышал часто и тяжело, глотая больше пыль, чем свежий воздух.

Одной рукой Тони сжимал стеклянный шар, другой держал Самиру за локоть, не давая ей снова убежать.

Внизу шумели тяжёлые грузовики, проносились легковые машины; по мосту проходили пешеходы и проезжали велосипедисты. Только Тони, Самира и Джек, так ему показалось, застыли во времени и пространстве. Он подошёл ближе и вновь попал в энергетическое поле со звенящим воздухом.

– Я всю жизнь ждал этого, ждал тебя, – сказал Тони. – Сначала я верил, когда не верил никто, потом сомневался, даже пил таблетки, чтобы избавиться от навязчивых иллюзий.

Чтобы собраться с духом, он закрыл глаза. А Самира внимательно рассматривала его, словно это не Тони, а она была влюблена.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь. – Самира аккуратно высвободила руку, но не попыталась уйти, а подошла на четверть шага ближе.

– У тебя бывало такое чувство... ощущение присутствия чего-то? – спросил Тони. – Ты не понимаешь, что это, но оно всегда рядом: преследует, мучает и всё же является частью твоей жизни. Ты спросила: откуда *это* у меня? Пятнадцать лет назад случилась встреча, которая разделила мою жизнь на до и после. С тех пор я не могу смотреть на мир как прежде, как все остальные... Тогда я впервые увидел океан. У отца появилось несколько свободных от работы дней, и мы всей семьёй решили провести их на побережье. Как-то вечером – было уже совсем темно – мы гуляли по опустевшему пляжу, и я убежал вперёд, чтобы собрать ракушек. Там, чуть в стороне, где береговая линия извивалась, образуя небольшую бухту, я увидел женщину. Был конец марта, холодно, а она стояла по пояс в воде. Помню, как её широкая длинная юбка покачивалась на волнах. Помню её серебристые волосы и приятный тихий голос, но у меня вылетело из головы, о чём мы говорили. Я подарил ей самую красивую ракушку, а она мне – этот стеклянный шар.

Впервые Джек услышал эту историю в тот рождественский вечер, когда они с Тони познакомились. Странноватый мальчик в больших очках пытался убедить его, что та загадочная женщина исчезла. Не ушла, не уплыла, не утонула, а испарилась в воздухе, оставив после себя только облачко золотой пыли. Джек не поверил. Даже рассмотрев подарок, он равнодушно принял необычность стеклянного шара. И Самира, казалось, слушала без намёка на удивление.

– Видишь этот лес внутри? – Тони поднял руку выше, показывая Самире объёмную картинку. Кто бы ни изготовил эту игрушку, он обладал высоким мастерством и чрезвычайной любовью к деталям. Когда-то Джек рассматривал этот лес под лупой и изумлялся, как кропотливо были выполнены все детали. Деревья, кусты и малюсенькие листики не отличались от настоящих. А между пышными кронами летали крошечные птицы.

– Да, я вижу, – ответила Самира, не взглянув.

– Раньше здесь были и другие картинки. Иногда город... странный такой город с многоугольными зданиями, каких я никогда не видел. Или большой замок на горе, или каскад водо-

падов. Они менялись сами по себе, понимаешь? А эти птицы, честное слово, летали по кругу. Ты веришь мне?

Самира кивнула.

– А другие не верили. Видели всё своими глазами, но всё равно отрицали. И если сначала я чувствовал себя особенным, ждал, что в моей жизни вот-вот произойдёт что-то потрясающее, то со временем начал слушать этот идиотский голос разума. Картинки перестали меняться, а я – верить и мечтать. А сегодня появляешься ты и спрашиваешь, откуда это у меня.

Джек чувствовал, что, если Самира сейчас в недоумении пожмёт плечами, Тони не сможет этого пережить.

Но произошло нечто ещё более ужасное.

Мимо них промчалась компания мальчишек на велосипедах, один из которых случайно толкнул Тони. Рука его дрогнула, пальцы разжались, и стеклянный шар полетел на автостраду. Джек бросился к перилам и наполовину перевалился через них. На фоне мелькающих машин он увидел, как шар замер в воздухе в пяти футах от земли, а потом стал медленно подниматься, ловя на себе солнечные блики. Джек заворожённо следил за противоречащим гравитации полётом, пока сокровище не поравнялось с ними. Преодолев обратный путь снизу вверх, шар оказался прямо в протянутой руке Самиры.

– Конечно, картинки перестали меняться, – сказала она спокойно, – ведь магии, которой они наполнены, в этом мире нечем подпитываться.

Самира подняла руку выше – так, что шар оказался на уровне глаз Тони. Через мгновение крошечные очертания птиц шевельнулись и полетели по кругу, то появляясь, то вновь скрываясь между кронами деревьев.

В такие моменты положено чувствовать недоверие. Можно заподозрить всех вокруг в обмане, а себя самого – в помешательстве. Джек не заметил ничего подобного, как если бы он уже переживал эти события когда-то и сейчас подсознание лишь с лёгким оттенком удивления узнавало их.

– Не могу дышать, – сказал Тони. Медленно отвернувшись от Самиры, он завалился на перила и сполз по ним на землю.

Джек бросился к нему. Окружающий мир вернулся и обрушился на него всей своей реальностью.

– Где твой ингалятор? Тони, где он?

– Остался в комнате, – прошипел Тони. Он оттянул воротник рубашки и закрыл глаза, запрокинув голову.

Паника овладела Джеком. Мозг закипал, выполняя сразу несколько операций: рассчитать расстояние до комнаты, до ближайшей аптеки... оценить время, требуемое для спринта туда и обратно. Успеет или нет? Может, спросить у прохожих?

Она появилась внезапно, Джек даже засомневался в осязаемости чудесного видения. Но вот окружающие расходятся и уступают дорогу, а значит, Грэйс и правда бежит к ним через парк. Какие длинные у неё волосы, как красиво они развеваются на ветру!

Джек будто впервые смотрел на неё, на мгновение он даже забыл о Тони и перестал слышать свистящие хрипы. Невероятно всё-таки, что у Грэйс длинные волосы. Раньше Джек не придавал им значения, как не замечал её носа, щиколоток или локтей. Кто в здравом уме станет обращать внимание на локти?

Грэйс стремительно преодолела мост и, оттолкнув Джека, опустилась на колени рядом с Тони. Привычным движением она потрясла в руке ингалятор, засунула отверстие в приоткрытый рот друга и пару раз нажала на кнопку сверху. Тони сделал глубокий вдох и медленно открыл глаза.

– Привет... Грэйс. У тебя есть... запасной ингалятор для меня... как всегда.

Она потрепала его увлажнившиеся от пота волосы. После – вернулась к Джеку и ещё раз, теперь уже совершенно безосновательно, толкнула его.

– Ты сердишься на меня? – промямлил Джек, но она подняла руку, приказывая молчать.

– Я встретила возле столовой Джереми Сонора, и он рассказал мне, как вы с Тони бежали к мосту.

Джек опешил:

– Ты не поверишь, что тут случилось, ты ведь знаешь Самиру...

Грэйс затрясла головой. Только сейчас Джек заметил, что она запыхалась, выбилась из сил и, очевидно, плакала.

– Скажи мне, Джек, что могло произойти такого, что ты позволил Тони бежать?

– Я не позволял, я гнался за ним и пытался остановить! Когда ты узнаешь причину всего этого...

Он и думать забыл про Самиру, а теперь, оглядываясь по сторонам, обнаружил, что та исчезла. Вернее, ушла. Джек надеялся, что Самира всё-таки ушла, а не исчезла в буквальном смысле.

– Ты вчера так торопился, что забыл у меня свои носки. – Грэйс вложила в его руку чёрный комок и с силой сжала пальцы.

Суэта последнего часа сместила события прошлого вечера на дальний план, а теперь их отголосок до боли зазвенел в ушах.

– Я не торопился...

– Ты перевернул торшер.

– Просто я неловкий.

Грэйс смотрела на него снизу вверх с неожиданным и неуместным интересом. Она смотрела не так, как раньше, и эта неуловимая, заметная лишь ему перемена напугала Джека до смерти.

– Странно немного. – Грэйс закусила губу. – Я вроде бы и не ожидала ничего другого, но ты всё равно вывел меня из равновесия.

Она снова легко толкнула его в живот.

– Прости меня? – попросил Джек, поймав её руку.

Грэйс не без труда высвободила запястье и отошла.

– Конечно.

– Мы ведь можем и дальше быть друзьями?

– Разумеется. Я буду по первому зову прибегать к тебе, чтобы погладить по голове. Давай отведём Тони назад.

Обратный путь показался Джеку бесконечным. Он почти не спал две ночи, и именно сейчас, в очевидно критический момент, усталость с яростью обрушилась на него. Безуспешно игнорируя тупую боль в висках, Джек то и дело украдкой посматривал на Грэйс. Это ведь та самая девушка, с которой он дружит почти двенадцать лет: милая и застенчивая, с голубыми глазами и смешными веснушками. Грэйс никогда не прихорашивалась, разве что пыталась прикрывать волосами торчащие уши на торжественных мероприятиях. Не слишком успешно, по правде говоря.

Это платье вчерашнее во всём виновато. И колени. Женские колени следовало бы признать оружием массового поражения. А теперь ещё волосы эти. Длинные, волнистые. Невзрачно русые, но с золотистыми бликами, когда на них падают солнечные лучи. И развевающиеся на ветру.

– Интересно, Самира теперь тоже исчезла навсегда? – пробормотал Джек отрешённо.

– Она вернётся, – ответил Тони.

2

Мир в мыльном пузыре

Я часто думаю: а что было бы, если... Все истории о путешествиях во времени наглядно показывают, что в прошлом лучше ничего не менять. Но наверняка каждый – хотя бы раз в жизни – мечтал вернуться по шкале времени на пару делений назад и исправить некоторые ошибки.

Конечно, можно сделать только хуже. Даже не так – вероятность того, что станет хуже, очень велика. И всё же гораздо проще фантазировать о путешествиях во времени, чем осознать настоящее и повлиять на сценарий будущего.

Вот я продолжаю бездействовать и всё думаю: что было бы, если бы...

Дневник рассказчика

Сегодня

Норклиф

– Если это шутка... – Алакрион непроизвольно сжал руки в кулаки.

– Клянусь, это правда!

Четвёртый лорд уже надевал тёплый плащ с меховым воротником.

– Кто они? – требовательно спросил он, пытаюсь отыскать оружие, которым уже давно не выпадало шанса воспользоваться.

– Мне не сообщили. Чужих сейчас доставят в дом Совета. Остальные лорды скоро будут там.

– Доставят. – Алакрион рассмеялся. – На драконе? О, я думаю, это можно будет засчитать как часть наказания.

– Да, лорд, конечно, – услужливо поддакнул молодой стражник.

Они торопливо спустились на восьмой этаж и вышли на морозный воздух. Солнечные лучи, рассеиваясь в густом тумане, на такую глубину не проникали, не согревали.

Из-за тумана и холода по земле давно никто не передвигался, и преодолевать расстояния в Норклифе приходилось по воздуху. Легче и быстрее всего это получалось верхом на драконах, однако из-за их ограниченного количества такой способ был накладным. Поэтому здания на разной высоте соединяли мостики. Общественные места – школы, магазины и библиотеки – превратились в проходные дворы. Владельцев это так раздражало, что некоторые платили приличный налог за сохранение личного пространства.

В этот ранний час Алакрион встретил лишь нескольких садовников, которые поливали рассаду в оранжерее. Ему пришлось преодолеть с дюжину мостов, подниматься и спускаться по крутым лестницам, совсем выбиться из сил, а в конце пути разочароваться, что явился в дом Совета последним.

Лорд Иззо, меланхоличный и нерасторопный, уже сидел на своём месте за шестиугольным столом и скучающе рассматривал кружевные манжеты на руках. Кирон и Тамарис тихо,

но энергично что-то обсуждали, укрывшись в тени у дальней стены. Самый почтенный член Совета, лорд Фазариан, отсутствовал. Вероятно, снова сражён насморком. Жаль, но добродушному старику вскоре придётся искать замену.

Зато лорд Вэлвин, толстенький надоедливый коротышка с бегающими глазками и фальшивой улыбкой, был здесь. Он взволнованно прохаживался вдоль окна, то и дело выглядывая на улицу.

– Алакрион! – воскликнул Вэлвин. – Вот и ты. Можешь в это поверить? Просто что-то невероятное, такого никогда не случалось!

– Не тараторь, сейчас разберёмся. – Четвёртый лорд отмахнулся и проверил, на месте ли браслет – изящное серебряное украшение с тёмно-синим сверкающим камнем.

Следующие минуты прошли в напряжённом ожидании, пока свет за окном вдруг на мгновение не померк за взмахами крыльев.

– Они здесь, – лениво констатировал лорд Кирон, почесав аккуратно подстриженную седую бородку. Ярко-красный камень на его браслете зловеще сверкнул.

– Точно. – Лорд Тамарис уставился на входную дверь, по обе стороны которой несли службу два облачённых в доспехи стражника.

Дверь отворилась. В зал вошла группа людей: три солдата из охраны периметра, летун и те самые чужие...

Три дня назад

Мэривилль

«Она вернётся». Эту фразу Тони часто повторял в последующие дни. Иногда неожиданно, например, во время уборки комнаты или на ужине в присутствии посторонних. Или когда отправлялся на лекции к профессору Маршаллу, где Самира перестала появляться. И когда возвращался с них, погружённый в извилистые переплетения мира европейской литературы, – разочарованный, но пока не потерявший надежду.

Появление Самире всколыхнуло тяжёлый и давно улёгшийся пласт. Джек ещё не знал, какие события это повлечёт, но про себя радовался, что возникла новая тема для разговоров: универсальная и не касающаяся щекотливых происшествий.

Пока Джек красочно описывал приключение на мосту, Грэйс слушала спокойно, без удивления. Она только назвала Самире своеобразной.

– Своеобразная? – удивился Джек. – После всего, что я рассказал, ты выбрала именно такое определение?

Грэйс поставила музыку в новом плеере на паузу и даже вытащила из уха один беспроводной наушник – добрый знак.

– Однажды она несколько часов сидела рядом со мной в библиотеке с третьим томом высшей математики, но так ни разу и не перелистнула страницу.

– Может быть, она умеет читать сквозь страницы? – предположил Джек.

– Возможно, но я не думаю, что это удобно.

Расслышав в её голосе шутливые нотки, Джек переспросил на всякий случай:

– Ты ведь веришь в то, что я рассказал?

– А ты верил в историю Тони все эти годы?

Джек никогда не размышлял над рассказом друга обстоятельно, просто принимая его как часть Тони. Джек не считал друга странным и искренне поддерживал его, умудряясь при этом сохранять нейтральную позицию. Он надеялся, что всё когда-нибудь разрешится само собой и без сильного ущерба для Тони; возможно, время наконец пришло, только по поводу масштаба ущерба Джек пока сомневался.

– Если честно, нет. Я был уверен, что всему существует логическое объяснение. Часть меня думает так до сих пор. А ты?

– Я всегда чувствовала, что никакого логического объяснения нет, что с Тони случилось самое настоящее чудо и что у этой истории обязательно будет продолжение, – упрямо ответила Грэйс. Затем добавила с вызовом: – Она вернётся.

* * *

Она вернулась неожиданно.

После ночного дежурства в больнице Джек мечтал добраться до своей маленькой квартиры, упасть на кровать и проспать до полудня. Его последним пациентом стал парень, который слишком много выпил на вечеринке и по пути домой расшиб себе голову о рекламный щит. Обошлось без сотрясения, зато, пока Джек обрабатывал рану, пациент опорожнил содержимое желудка прямо на его халат. Горячая вода и литр жидкого мыла помогли избавиться от запаха, но настроения принимать гостей у Джека не было.

И всё же Самира стояла перед дверью его квартиры и рассматривала причудливый узор из царапин и потёртостей, какие рано или поздно появляются вокруг любой замочной скважины.

– Не советую пытаться проникнуть в моё скромное жилище, вряд ли ты найдёшь там что-нибудь ценное, – громко произнёс Джек. Он надеялся напугать девушку, думал, что она выронит из рук сумку или хотя бы вздрогнет, но ничего подобного не произошло. Самира безучастно посмотрела на него и отошла, предоставляя Джеку возможность открыть дверь и пригласить её к себе.

Джек неспешно проделал ожидаемые от него действия: прошёл в единственную комнату, зажёл тусклый ночник и развалился на кровати. Желая продемонстрировать гостье, что не рад её визиту, он постарался скрыть усталость за вальяжностью позы.

Самира присела на краешек стула напротив и изящным движением откинула волосы за спину.

– Как дела? – спросила она учтиво.

– Замечательно, – ответил Джек. Он подумал было, что полагается предложить гостье какой-нибудь напиток или угощение, но в сложившихся обстоятельствах эта мысль показалась ему нелепой.

Самира придирчиво разглядывала убранство тесного помещения: недельный слой пыли, на столе – тарелки с засохшей каймой от супа, брошенные в угол грязные джинсы и кровать без покрывала.

– И не смей меня осуждать, – сказала она вдруг.

Джек рассмеялся:

– Я не осуждаю, просто ты мне не нравишься.

– Мне нет до этого дела.

Джек ничего не знал о гостье, не сказал ей и тридцати слов за всё время поверхностного знакомства. Однако их общение походило на вялое выяснение отношений бывших любовников, расставание которых сопровождалось проклятиями и битьём посуды.

Ну что ж, отдых ему сегодня уже не светит. Джек сел и придвинул стул вместе с Самирой к себе.

– А мне нет дела до твоей важной персоны, – сказал он насмешливо, – но предупреждаю: вздумаешь снова исчезнуть – я привяжу тебя к этому стулу. Ты будешь сидеть здесь, пока не поговоришь с Тони, не объяснишь ему все фокусы и не ответишь подробно на все его вопросы. И только после этого, если мой друг останется доволен, я отпущу тебя.

От Джека не укрылось, как губы Самиры дрогнули в мимолётной улыбке. Кончики её волос наэлектризовались и прицепились к его футболке.

– Приятно верить, что именно ты контролируешь ситуацию? Пожалуйста, – ответила Самира. – Но не забывай, что это я сюда пришла. Потому что я так решила. Я могу передумать быстрее, чем ты успеешь сочинить очередную остроумную угрозу, и, поверь, ты не сможешь мне помешать.

Джек поверил. Плечи его поникли, а уставшие мышцы лица перестали поддерживать суровое выражение.

– От тебя одни неприятности, – заявил он.

– А ты всегда ищешь других виновных в своих проблемах? – Самира приподнялась на стуле и отодвинулась от кровати так, чтобы Джек больше не смог до неё дотянуться. – Мне нужно поговорить с твоим другом.

– Ты знаешь, где он живёт.

– Его там нет.

– Не может быть, сейчас ведь ночь. Ты хорошо стучала?

– Я хорошо стучала, его там нет.

Джек одновременно разозлился и заволновался. Раздражал и пренебрежительный взгляд Самиры, кажется, единственный, на который она была способна. А волнение за друга не оставляло Джека последние несколько дней. Тони всегда относился к приверженцам режима, которые рано встают, добросовестно работают днём и спят ночью в своей постели.

«Без паники, – сказал он сам себе, – ничего не случилось. Человек может крепко спать, быть в гостях, сидеть в туалете, в конце концов! Я ему позвоню».

После пятнадцати нервирующих гудков Джек сбросил звонок и набрал другой номер.

– Почему ты так волнуешься? – спросила Самира.

– Почему? Да ты хоть представляешь, что сделала с ним?

Девушка пожалала плечами.

Второй телефонный звонок оказался более удачным – Грэйс ответила почти сразу. Она также без колебаний согласилась на сомнительное среди ночи предложение поискать Тони. Местом встречи назначили вход в восточное крыло университета. Здесь располагалась оранжерея с разнообразными растениями, о которых заботился факультет биологии, смотровая площадка на крыше, зал для концертов и театральных постановок, а также библиотека. Поэтому у Джека имелись ключи от некоторых дверей.

Путь до университета стал для него новым испытанием. Самира игнорировала вопросы и не разрешала рядом с собой курить; она сетовала на позднее время и облака, скрывающие звёзды, на неровную поверхность земли, отсутствие Тони и неопрятный вид Джека.

Словно это не она к нему пришла. Словно не с её появлением началась вся неразбериха.

К счастью, Грэйс уже скоро к ним присоединилась. Она наспех прошла церемонию знакомства с Самирой, состоявшую из рукопожатия и пары неуместных «как дела?» да «хорошо», и вот они втроём уже брели по тёмным коридорам спящего университета.

Джек снова отметил, что в его общении с Грэйс пропала привычная непринуждённость. Он почему-то стал задумываться перед тем, как произнести самые обыденные фразы: побоялся спросить, успела ли Грэйс выспаться, понравился ли фильм, который она хотела посмотреть накануне, и почему её носки разного цвета. Независимые наблюдатели назвали бы такое поведение признаком влюблённости, а Джек затеял бы с ними горячий спор.

В обществе Самиры он также чувствовал себя неуютно, пусть и без всякой предыстории. Рядом с ней воздух вокруг как будто менял консистенцию: иногда превращался в тихо жужжащее облако из крошечных пчёл, иногда был похож на розовую сладкую вату. Сейчас воздух загустел и стал тягучей резиновой субстанцией, которая затрудняла движение и тормозила стрелки часов.

Нехарактерные для ночного времени звуки слышались уже на лестнице, ведущей на второй этаж. Они будто почудились и, рождённые фантазией, существовали лишь в голове.

Звуки становились громче: соединившись в мелодию, они покинули пределы воображения и заполнили собой пространство.

Джек, Грэйс и Самира пробрались в концертный зал со стороны кулис. Преодолев полосу препятствий из коробок с реквизитом, вешалок и заготовок для декораций, они оказались на сцене рядом с источником яростных музыкальных раскатов.

В свете единственного тусклого прожектора Тони сидел за старым роялем и исполнял что-то из Рахманинова. Это была массивная, громоздкая музыка – Грэйс сравнила бы её с медведем, который пробудился после зимнего отдыха и тяжёлой поступью пробирался по лесной чаще в поисках еды.

– Когда-то один психиатр порекомендовал родителям Тони занять его музыкой, – шёпотом пояснил Джек. – Позже другой психиатр посоветовал ему изучать точные науки. Сегодня мы можем сделать сразу два вывода: во-первых, чему бы Тони ни обучался, у него это выходит гениально. Во-вторых, всегда стоит доверять психиатрам.

Последние слова Джек произнёс одними губами, потому что обычные повседневные звуки, включая собственный голос, вдруг исчезли. Остались только удары войлочных молоточков о струны. Почти не удивившись, Джек толкнул Самиру в бок, но та отмахнулась и сделала несколько шагов к пианисту. Джек попытался сказать ещё что-то, но у него не получилось. Безуспешно попробовал похрустеть пальцами, покашлял, попрыгал и... сдался.

Часы перестали тикать, пол больше не скрипел; даже воздух из лёгких выходил совершенно бесшумно. А Тони и не заметил, что стал единственным источником звука, наверное, во всём мире. Растворившись в музыке, он продолжал играть. Однако в самый многослойный музыкальный момент, когда звуки стали обретать краски и трансформироваться в образы, Тони зацепил мизинцем фальшивую ноту и замер. Тогда Джек впервые в жизни услышал подлинную, ничем не нарушаемую тишину.

Тони вздохнул, о чём можно было догадаться только по его поднявшимся и вновь опустившимся плечам, потёр переносицу под дужкой очков и опустил крышку рояля.

Стука не последовало. Тони удивился, вновь поднял и опустил крышку – на этот раз результативнее. Вслед за глухим ударом дерева о дерево вернулись и остальные звуки: тиканье часов, хлопанье крыльев ночной моли и урчание в желудке.

Сбросив с себя остатки музыкального оцепенения, Тони медленно развернулся на вращающемся стуле и уставился прямо на Самиру.

– Ты вернулась, – спокойно констатировал он. – Наконец-то.

Девушка подошла к нему и положила на подставку для нот стеклянный шар.

– Хотела отдать тебе это.

– И всё?

Джек с Грэйс переглянулись.

– Если бы это было всё, я не утруждалась бы...

Заметно было, что Самира борется сама с собой. Она закрыла глаза – постаралась, наверное, сначала сформулировать мысль в голове, чтобы доступно донести её до собеседника.

Тони терпеливо ждал, не двигаясь, не дыша, не переставая смотреть на неё.

– Сначала я подумывала прислать тебе шар по почте, – продолжила Самира. – Так было бы проще, потому что мне совсем не нравится врываться в чью-то жизнь и переворачивать её с ног на голову. Потому что я не уверена, что имею на это право. Потому что последствия могут быть непредсказуемыми, печальными, ужасными...

– Я хочу, чтобы ты перевернула мою жизнь, – перебил Тони. Он резко вскочил, чтобы предложить Самире единственный на сцене стул.

– Через два дня я возвращаюсь домой. – Самира осталась стоять. – Если правда хочешь, можешь отправиться со мной.

– Хорошо, я согласен.

Где-то снаружи, за толстыми стенами здания, начался сильный ливень. Серые тучи весом в несколько сотен тысяч слонов прорвались, и тяжёлые капли застучали по земле – даже в зале без окон было слышно.

– Так, стоп. – Джек поднял руку. У него в горле разрасталось что-то булькающе неприятное. – Куда это ты собрался?

Грэйс осторожно двумя руками взяла шар и поднесла его к лицу.

– Здесь раньше всегда был лес, – сказала она.

Боковым зрением Джек заметил внутри шара несколько горных вершин, на одной из которых возвышался замок. Он перестал понимать, что происходит с миром вокруг него и с людьми, которых он знал всю жизнь. Тем более Джек не мог взять в толк, какое значение сейчас имела картинка в дурацком шаре.

– Куда ты хочешь забрать его? – Он с трудом узнал собственный голос.

– Я покажу ему мой мир, – ответила Самира невозмутимо, будто предлагала устроить пикник в парке.

– Что ещё за *твой* мир?

– Я и тебе могу показать.

Сердце Джека замерло, сжалось и вновь заколотилось о рёбра с разрушительной силой.

– Мне не надо, я не собираюсь! – воскликнул он и максимально сердито посмотрел на Тони. – Это может быть обман, фокус. Ты совсем не знаешь её, но всё же доверишься настолько, что готов идти за ней?

Тони выглядел безмятежно счастливым.

– Готов! – Он так энергично кивнул, что очки сползли на кончик носа.

Джек искал поддержки у Грэйс, но та была увлечена шаром с его изменившимся содержанием. Сстиснув зубы, Джек стал ходить от края сцены до её центра, где стоял рояль.

– Итак, я правильно понял: теперь у тебя есть она, – Джек указал пальцем на девушку, – и все остальные люди, которые до сего благословенного дня были тебе друзьями, утратили ценность?

Тони помрачнел, но ненадолго:

– Нет, ты ведь слышал, мы все можем...

– Что мы можем? О чём ты? Что вообще происходит?

Ходить расхотелось. Джек уселся на пол, поджав под себя ноги, и обхватил голову руками. Нужно было привести мысли в порядок.

Вот есть Тони. В детстве с ним приключилось необычное происшествие, после которого жизненную тропинку с общепринятыми ценностями и желаниями завалило камнями, а курс Тони сбился куда-то не туда. Как и положено преданному другу, Джек был рядом. И всё же им руководила больше снисходительная терпимость, чем вера. Джек не сомневался, что однажды воспоминание превратится для Тони в иллюзию, в сон, а потом и вовсе исчезнет. Так почти и случилось. Так могло бы случиться, если бы не появилась Самира.

Есть ещё Грэйс. Даже с её склонностью романтизировать и фантазировать она слушала историю о волшебном шаре с доброй долей скептицизма. Джек надеялся на это.

Сейчас все стали странными, а он не мог вписаться в общее настроение: бродил вокруг круглой комнаты, ощупывал руками гладкие стены, но не мог найти дверь вовнутрь. Здорово было бы вернуться во времени: не разговаривать с Самирой, не показывать ей шар, не позволить Тони бежать за ней. Ну и ещё в нескольких ситуациях поступить иначе.

Грэйс спрыгнула со сцены и села на центральное сиденье в первом ряду. Тони опустился на стул у рояля. Все смотрели на Самиру, которая должна была в любой момент взорваться от такого пристального внимания.

– Что?

– Ты не можешь просто сказать «идем со мной», – объяснил Джек устало, – ты должна хотя бы намекнуть, куда нужно идти. Не для Тони – ему, кажется, всё равно. Для меня, как для друга.

Где-то далеко, в реальном мире, ливень почти утих. Может, стоит сбежать?

– Расскажи нам, где твой дом. Это далеко? – Тони плохо удавалось скрывать возбуждение, он раскачивался на стуле, рискуя сломать его.

– Далеко? Я не знаю, подходит ли это слово.

– А какое подходит?

Джек рассматривал Самиру и с удивлением отмечал, какие перемены произошли в ней за короткое время. Она словно забыла держаться с холодным достоинством и, заразившись энтузиазмом Тони, немного оттаяла под действием неподдельного восхищения, которое вызывала в нём.

Самира развела руки в стороны:

– Если представить, что это два места в пространстве, то расстояние между ними можно определить словами «далеко» или «близко». А если знать, что это две разные реальности...

– Разные реальности? – перебил Тони вдохновенно. – Ты имеешь в виду мультивселенную, существование которой нельзя ни доказать научно, ни опровергнуть? Или всё-таки можно? А какая теория ближе всего к истине?

Он был похож на азартного игрока в лотерею, у которого уже совпали пять чисел из шести и для получения баснословного богатства требовалась лишь капля везения.

– Прости, но в ваших теориях я не разбираюсь. Однажды мне объяснили, как попасть в этот мир и почему это возможно. – Самира несколько раз обошла вокруг рояля – её это, наверное, успокаивало. – Могу рассказать.

– Расскажи!

Самира кивнула.

– Как я поняла, другие миры отделены от твоего не пространством или временем, а существуют... Где здесь туалет?

Она убежала за кулисы, оставив всех в полном замешательстве.

– Может, съела что-то не то, – предположила Грэйс.

Тони поднялся:

– Я пойду и посмотрю, всё ли нормально.

– Сиди на месте, – строго сказал Джек, – возможно, Самира ещё не придумала. Или ей на самом деле срочно нужно в туалет. В обоих случаях не следует её тревожить.

Тони послушно опустился на стул и вновь стал раскачиваться на нём. Скрип вращающегося механизма действовал убаюкивающе, утомление начало брать верх над любопытством, и Джеку пришлось похлопать себя по щекам, чтобы прогнать сонное наваждение.

– А что ты обо всём этом думаешь? – спросил он у Грэйс. Зрительный зал не освещался, поэтому Джек не мог разглядеть выражение её лица, только танцующие блики на гладкой поверхности стеклянного шара в руках.

Грэйс не успела ответить, потому что Самира внезапно вернулась и встала посреди сцены. Её руки были по локоть покрыты мыльной пеной.

– Вот, смотрите, – звонко сказала она, обращаясь к залу, будто бы переполненному зрителями, – это ваш мир, ваша реальность, а вот это – мой.

Она потёрла руки, сложила ладони буквой «О» и надула сначала один мыльный пузырь, а потом второй. Пузыри покружили немного и соединились в фигуру, похожую на сплюснутую восьмёрку.

– Между мирами не бывает физического расстояния, – прокомментировала Самира, получая удовольствие от себя самой как от докладчицы. Она всё ещё смотрела в зал, хотя Тони – самый заинтересованный слушатель – сидел у неё за спиной.

Сдвоенный пузырь парил в воздухе, переливаясь всеми цветами радуги, и отражения в его поверхности казались чудными.

– Так далеко ли мой дом? – Самира щёлкнула пальцами под мыльной восьмёркой, и от колебаний воздуха та поднялась чуть выше. – Если не вглядываться в линию горизонта, а найти тонкую грань – то нет, он совсем близко.

Из докладчицы она превратилась в актрису, способную приковывать к себе восхищённое внимание зрителей, будь их целая тысяча или всего трое. Или два с половиной, потому что Джек не ощущал своего полного присутствия: ему пришлось напрячь фантазию, чтобы удивиться. Странно, что простые фокусы в цирке больше изумляли его, чем беседы о других мирах, куда можно запросто пожаловать с визитом.

– Существует бесконечное множество альтернативных реальностей, – послышался голос Грэйс из темноты. – Почему ты оказалась именно в нашем мире? И почему именно ты?

Вместо Самиры ответил Тони:

– Потому что преграда, разделяющая миры, прочнее поверхностного натяжения воды. Верно?

Летающая модель услышала вопрос: вздрогнув, сдвоенный мыльный пузырь превратился в один большой.

– Представь, что любая твоя фантазия – самая смелая, невероятная, даже нездоровая – может быть обыденным явлением в какой-нибудь другой реальности. – Самира всё так же обращалась к почти пустому зрительному залу. – Обычно миры пересекаются только на уровне мыслей или снов. Тебе ничто не мешает размышлять, предположим, о магии или описывать её в художественных произведениях, но магия – не часть твоего мира, поэтому ты в неё не веришь.

– Магия? – с благоговейным страхом воскликнул Тони. – Ты уже говорила об этом тогда, на мосту. То есть мы на самом деле не придумали магию, а позволили факту её существования где-то в другой реальности просочиться в наше воображение?

– Просочиться и укорениться, чтобы вы потом сочиняли всякую ерунду, – добродушно ответила Самира. – Так границы между реальностями истончаются, размываются, и становится легче их преодолевать. Иногда.

– А всякие чудовища? Монстры?

– Возможно, существуют где-то.

– А драконы тоже существуют в какой-нибудь реальности или мы всё-таки усовершенствовали динозавров? – спросил Джек.

– Кто такие динозавры?

Самира искренне удивилась, вызвав у него вспышку неожиданного веселья.

– Судя по повадкам, это твои прямые предки.

Тони вскочил и замахал на Джека руками.

– Я правильно понимаю, – сказал он, делая ударение на каждом слове, – что всё, придуманное нами, описанное в книгах – всё, что мы называем фантастикой, пришло в наши головы с просторов мультивселенной? Мы ошибочно считаем себя создателями, в то время как каждый невероятный вымысел на самом деле существует где-то?

– Может быть, не каждый, – ответила Самира, – и не совсем в таком виде. Не знаю, я ведь не знаток миров, а всего лишь случайный путешественник. Те, кто видят больше, кто продвинулись чуть дальше за пределы общепринятого мировоззрения и позволили себе поверить... их обычно называют сумасшедшими и запирают в специальных учреждениях.

– Каким же образом ты совершила своё путешествие? – спросил Джек. – Как ты здесь оказалась? И почему?

Вторая половина слова «почему» бесследно растворилась, не достигнув голосовых связок, словно кто-то вновь выключил все звуки. В голове Джека неистово закрутились колёсики –

те самые шестерёнки осознания, которые своим вращением ставят на место правильный рычаг, и среди извилин мозга зажигается лампочка. Ярким светом она заливают чердак, где все выводы уже давно аккуратно расставлены по полочкам, просто их никто не замечал в темноте за слоем пыли и паутины. Да, иногда случается, что ответ на вопрос находится без участия собеседника.

Джек втянул губы и твёрдо решил не участвовать в том, что произойдёт дальше, дабы не нести за это никакой ответственности.

– Мне нужно было найти одного человека, – сказала Самира и замерла в ожидании закономерного вопроса: «Какого человека?».

– Какого человека? – незамедлительно спросил Тони, следуя уже давно написанному сценарию сегодняшнего вечера.

– Я искала отца, – ответила Самира развёрнуто.

– И ты нашла его?

– Нашла.

– Я тебя поздравляю! – Тони засиял.

Говорят, что частые перемены в жизни благоприятно влияют на осознание её продолжительности. Насыщенная событиями, она как бы делится на отдельные яркие отрезки, и жизнь в целом кажется длиннее.

Джек не любил перемены. Он не любил новых людей – даже лучших друзей выбрал один раз и навсегда; ценил стабильность и предпочитал, чтобы пульс не превышал восьмидесяти ударов в минуту.

Теперь его стабильности угрожала опасность. Назревали перемены, после которых невозможно будет восстановить привычное течение жизни. Испытывая интересную смесь страха и возбуждения, Джек гадал, что чувствует другой человек в этом зале – тот единственный, для которого предназначалось представление с мыльными пузырями.

– Твой отец живёт в нашем мире? – не унимался Тони. – Он, наверное, был очень рад встрече. А вы давно не виделись?

– Мы не виделись никогда, – резко бросила Самира. Ей бы сейчас самое время сменить тему, но девушка терпеливо ждала следующих вопросов, готовая выложить всю информацию при настойчивом её выуживании.

– То есть как?

– Так, что он предпочёл оставить мою мать и отправился совершать великие открытия.

Минуту, пока Тони искал источник света на собственном чердаке с умозаклечениями, тишину нарушало лишь хлюпанье по лужам последних капель ночного дождя.

– Но теперь вы увиделись и познакомились? – уточнил он осторожно.

– Я не собираюсь ни с кем знакомиться.

Мыльный пузырь подпрыгнул в воздухе и лопнул.

– Ведь ты искала его!

– Искала и нашла, мне достаточно. У него своя замечательная жизнь без меня, он никогда не нуждался во мне и не заслужил права меня узнать.

Именно так человек с лишним весом убеждает себя и других, что не притронется к восхитительному сладкому пончику с немыслимым количеством калорий, который купил часом ранее просто так.

Грэйс долго молчала, точно её и вовсе здесь не было. Поэтому внезапно раздавшийся из темноты зрительного зала голос показался тонким и неестественным.

– Жил-был путешественник, – распевно начала она. – Больше всего на свете он не любил сидеть на месте. Незнакомые, неизведанные края манили его. Путешественник боялся пропустить что-то удивительное, ведь мир огромен, а жизнь так коротка. Вернувшись после одного приключения, он тут же отправлялся в следующее. Путешественник побывал в чудесных местах, пережил увлекательные, порой опасные приключения. Он уже с трудом мог удер-

жать в памяти бесчисленные невероятные истории о своих похождениях и подумал, что больше не способен удивляться. И вот однажды путешественник попал в волшебную страну. Он не знал, было ли это счастливой случайностью или же судьба нарочно привела его туда, но это последнее приключение навсегда изменило его жизнь. Волшебная страна радовала его новыми открытиями; он посещал величественные города, встречал интересных людей и животных, какие раньше могли привидеться ему лишь в фантазиях... Однажды путешественник вышел к высокой горе. Поднявшись на вершину, он увидел ещё одну гору, а за ней следующую. На той третьей горе стоял высокий замок, а в нём жила, разумеется, прекрасная девушка. Наш герой мог бы сравнить её с радугой и утренней росой, с рассветом – одним из тех захватывающих восходов солнца, которые прогоняют темноту ночи и наполняют мир светом и радостью. Он безнадежно влюбился, и девушка ответила ему взаимностью. И они были счастливы...

Заметив, что неосознанно крутит в руках стеклянный шар, Грэйс бережно положила его на соседнее сиденье и продолжила:

– Но ведь путешественник не мог долго оставаться на одном месте. Да и дома осталось важное дело. И он ушёл. Сердце его было разбито, чувства к той единственной, которую любил, не утихали, сколько бы лет ни прошло. Он мечтал вернуться, но не мог, потому что... Потому что не мог.

Грэйс замолчала. На этом месте профессор Маршалл, её отец, всегда прерывал рассказ, после чего раздавал им мороженое и отправлял гулять. Он крепко обнимал маленькую Грэйс и строго наказывал Джеку с Тони присматривать за ней.

В детстве эта история, украшенная подробностями и пропитанная волшебством, конечно, производила сильное впечатление. Сейчас её короткий пересказ прозвучал слишком сказочно и приторно, но погрузил слушателей в оцепенение. Никто не двигался, не задавал уточняющих вопросов. Тогда, очень давно, Тони каждый раз спрашивал, что случилось дальше, вернулся ли смелый путешественник в волшебную страну. Мистер Маршалл улыбался и предлагал ему самому придумать продолжение.

Что ж, теперь не осталось простора для фантазий, а ответ на вопрос разочаровал, как будто кто-то подлый украл счастливый конец.

Грэйс подскочила и протараторила:

– Простите, я пойду. Мне надо сделать... Мне надо идти.

Она на удивление быстро преодолела расстояние до выхода из зрительного зала и взбежала вверх по ступенькам. Внимательный наблюдатель мог отметить, что перед самой дверью Грэйс засомневалась, что плечи её чуть напряглись и повернулись градусов на десять. Невнимательные запомнили только оглушительный стук захлопнувшейся двери.

– А мне всегда казалось, что они чем-то похожи, – задумчиво произнёс Тони, указав на Самиру.

– Ты находишь? – удивился Джек.

Тони уверенно кивнул:

– Разумеется. У них одинаковые глаза – цвет и разрез. А ещё форма подбородка.

– У Грэйс какая-то особенная форма подбородка?

– Да, немного заострённая.

Тони дотронулся указательным пальцем до кончика собственного. Он боязливо зыркнул на Самиру и отвернулся к роялю, где стал открывать и закрывать крышку. А чем ещё занять себя в столь неловкий момент?

– Надо же, – тихо поведал он клавишам, – почему-то мне ни разу не пришло в голову рассказать свою историю мистеру Маршаллу – отцу моей лучшей подруги, обладателю такого же шара... единственному человеку, который мог мне поверить. Под видом выдуманных рассказов он умудрился ответить почти на все мои вопросы, а я оказался не способен сопоставить очевидное.

– Она не обрадовалась, – перебила Самира. Голос её звучал ровно, но руки в остатках мыльной пены были сжаты в кулаки. – Мне не обрадовалась.

– Дай ей немного времени, – ответил Джек. Он хотел рассказать, как Грэйс обычно борется со стрессом, но почувствовал, что в кармане вибрирует мобильный телефон. Из трубки раздался сонный голос мистера Маршалла:

– Добрый вечер, Джек. То есть доброй ночи. Здравствуй. Я не разбудил тебя?

– Мистер Маршалл! – громко и неправдоподобно радостно воскликнул Джек. Самира дёрнулась.

– Мне сейчас позвонила Грэйс и... так, а почему Грэйс позвонила, а не просто зашла? Она не дома? – В трубке послышалось неясное шуршание и скрип кровати.

– Всё в порядке, она со мной.

– Да? Ну хорошо. В общем, Грэйс попросила меня пригласить вас завтра на ужин. Джек, у вас там всё нормально? Знаешь, Грэйс немного странно ведёт себя в последние дни. Не то чтобы она в другие дни вела себя иначе...

Джек глубоко вздохнул и мысленно посчитал до десяти.

– Завтра на ужин? Прекрасная идея. Мы придём – нас будет трое.

– Хорошо. – В трубке вновь послышался скрип кровати – на этот раз от обратно укладывающегося в неё тела. – До завтра. Вас будет трое? Кроме Грэйс, да? Слушай, у неё ведь появился какой-то мальчик! Она приведет его познакомиться?

– М-м-м...

– Это так волнительно!

– Не то слово.

– Может быть, мне стоит подстричься?

– Думаю, это не обязательно. Лучше приготовьте ваш фирменный рулет с мясом и грибами.

Джек спрятал телефон и выжидающе уставился на Самиру, но та не спешила порадовать его бурным протестом.

– Вот и славно, – резюмировал он затянувшееся молчание, – а теперь нам всем нужно отдохнуть, скоро наступит очередной ужасный день.

Ему пришлось приложить некоторые усилия, чтобы подняться с пола.

– О да! – Тони засиял, едва ли он собирался отдыхать. – Нужно, столько всего нужно! Придешь ко мне завтра утром пораньше?

Вопрос предназначался Самире. После утвердительного кивка Тони, забыв про астму, помчался за кулисы, живо преодолевая препятствия нелепыми прыжками.

Джек достал из помятой пачки сначала одну, а затем ещё одну сигарету и переложил их в верхний карман рубашки, чтобы на улице закурить незамедлительно. Эту нехитрую операцию он проделал, не сводя глаз с Самиры.

– Ты что-то хочешь сказать мне? – спросила она.

– Хочу.

– Не сдерживай себя.

Самира так и осталась стоять посреди сцены, освещаемая лишь мягким светом одного прожектора. Тёплые блики подсвечивали золотистые волосы, добавляя мягкости чертам её красивого лица.

Джек подошёл к девушке и сжал её плечи.

– Я понимаю, что ты в обиде на отца и не хочешь с ним встречаться. Хотя, если честно, это один из лучших людей, которых мне посчастливилось знать. Мне кажется, Сэми, что у тебя взбалмошный характер – боюсь, я всегда буду ждать с твоей стороны какую-нибудь пакость. Но если сейчас ты передумаешь и снова исчезнешь, если обидишь Тони – знай, что я достану

тебя. – Джек изобразил злобную гримасу. – Я найду тебя в любом мире и в любой реальности. Я найду тебя и убью.

– Ты уверен, что хотел именно это сказать? – спросила Самира с довольной улыбкой.

Джек отпустил её, растеряв всю браваду:

– Нет. Я хотел сказать... попросить... пожалуйста, не подведи его.

Последние десять лет жизни Джека можно было представить в виде графика активности спящего вулкана, на котором длинная прямая линия с еле уловимыми колебаниями вдруг устремляется вверх. Сегодня вулкан почти достиг пика своей карьеры: ещё не начал извергать огненную лаву, зато давал о себе знать лёгким потряхиванием земли под ногами.

– Ты веришь в судьбу, Джек? – спросила Самира. Рассматривая его, она немного склонила голову набок.

– Нет.

Грэйс тоже всегда так делала: наклоняла голову, когда ей было особенно интересно за чем-нибудь наблюдать.

– А во что ты веришь?

И глаза у неё такие же – чуть раскосые, обрамлённые длинными прямыми ресницами. В живописи их светло-голубой оттенок можно передать с помощью пигмента церулеум.

– Я ни во что не верю, – сказал Джек, – ни в судьбу, ни в справедливость, ни в воздаяние за хорошие поступки.

Удовлетворённая ответом, Самира кивнула.

– Пройдёт некоторое время, и ты изменишь своё мнение.

3

Сундук с воспоминаниями

Сегодня

Норклиф

Алакрион едва не поперхнулся остывшим отваром из листьев ежевики. Он многое в жизни повидал и вот уже лет десять как ничему не удивлялся, но сегодняшние посетители дома Совета заслуживали исключения.

Дело было не в том, что чужаки отличались от заурядных нарушителей закона из Свободной земли. Один из гостей вырядился в куртку из набора старой, давно вышедшей из моды формы летунов, но и это Алакрион воспринял спокойно. Он только не ожидал, что пришельцев будет сопровождать пропавшая больше года назад принцесса Марилии – племянница почившего Бриена, дочь Сэма Маршалла и вероятная будущая королева.

Здесь, в Норклифе, во власти горделивых и не смыслящих в политике болванов.

– Кто вы такие и как сюда попали? – требовательно спросил лорд Тамарис.

В ответ измученные перелётом пленники красноречиво промолчали.

– Кто из вас главный? – Лорд Кирон, видимо, уже догадался, что гости не представляют опасности, и пренебрежительно засунул руки в карманы плаща.

Принцесса было дёрнулась, но один из её спутников – на его лице выражение любопытства преобладало над страхом – сделал шаг вперёд.

– Я главный. – Он с напускной отвагой выпрямился. – И я готов нести ответственность.

– Замечательно, – похвалил лорд Кирон. – В таком случае я полагаю, что ты верно оцениваешь тяжесть вашего преступления и готов понести справедливое наказание.

Смельчак вздрогнул и чуть отступил. Его друг, хмурый молодой человек, подозрительно оглядывающий всё вокруг, пробормотал какое-то диковинное ругательство и встал рядом.

– Не будем пока о наказании, – миролюбиво предложил Алакрион. Приблизившись к назвавшему себя главным, он спросил: – Как тебя зовут?

– Энтони Уильямс, – ответил тот и нервно вздохнул.

– Рад встрече, Энтони Уильямс. А теперь расскажи мне, как вы оказались в Норклифе. И снова молчание.

– Хорошо, я помогу: у вас есть специальные полномочия?

Все лорды застыли в ожидании ответа, точнее, предвкушая его отсутствие.

У пришельцев этот вопрос вызвал ещё большее смятение.

– Смею надеяться, в моём случае вопрос о полномочиях можно не обсуждать, – произнесла принцесса хорошо поставленным, не терпящим пререканий голосом. – Мы даже не помышляли нарушать закон, а просто направлялись домой, в Марилию. Сюда мы попали случайно и, уж поверьте, без всякого на то желания.

Она отнюдь не извинялась. Наоборот, принцесса надменно вздёрнула подбородок, словно сделала одолжение правительству Норклифа своим коротким объяснением и инцидент на этом был исчерпан. Её мужественный защитник признал поражение и отступил, больше не чувствуя себя главным.

– Исчерпывающе, – елеинно протянул лорд Кирон. – Однако, уважаемая Самира, вы всё же нарушили закон, явившись на нашу землю без предварительного согласования. У ваших спутников, подозреваю, отсутствуют документы. Так что мы вправе рассматривать вас угрозой для Норклифа.

– Да, но...

– А в таком случае, – повысил голос лорд Кирон, – нам ничто не мешает объявить войну вашей стране, а вас самих казнить за шпионаж.

Принцесса звонко расхохоталась:

– Вы демонстрируете чудеса логики и сообразительности, уважаемый лорд... не знаю, какой там по счёту. – Она отмахнулась от робкой попытки Энтони Уильямса её приструнить. – Разумеется, я самолично занимаюсь шпионажем. В отчёте сегодняшней вылазки я сообщу, что Норклифом правят болваны. Хотите объявить войну Марилии? Рискните.

Самира отошла на шаг, поравнявшись с остальными, и выжидающе сложила руки на груди.

Несмотря на серьёзность ситуации, Алакрион усмехнулся. Принцесса – моложе и ниже ростом всех присутствующих в зале – приковала к себе всё внимание. И нервные спутники Самиры, которые по очереди тянули её за рукав, и высокопоставленные правители Норклифа рассматривали принцессу со смесью ужаса и восхищения. Даже теплолюбивые мухи под потолком уселись на канделябры, перестав жужжать.

Лорд Кирон, злой и смущённый в равной степени, не придумал достойного ответа и жестом пригласил коллег к большому шестиугольному столу. Хрустальный кристалл в его центре наполнился белым туманом – пришла пора принять решение.

– Я скажу первым, – вызвался Алакрион, положив перед собой браслет с синим камнем. – В мире важно поддерживать гармонию – это не моё личное мнение, а незыблемый постулат. Казнить за шпионаж безвинных молодых людей? Сделаем так, и потомки стыдливо вычеркнут сегодняшний день из истории. Достойные лорды Норклифа, пусть нашей великой страной и дальше правят мудрость и великодушие, только не безосновательная жестокость. Я готов поручиться за гостей и взять их на своё попечение.

Тамарис хмыкнул, но четвёртый лорд не удостоил насмешку вниманием.

– Я берусь убедить всех в отсутствии той иллюзорной угрозы, о которой так пафосно вещает лорд Кирон.

Алакрион сел. В запасе ещё остались нелестные слова для уважаемых коллег – завуалированные оскорбления всегда были неотъемлемой частью заседаний, как и недовольные перешёптывания, а также угрожающие взгляды. Лучше оставить их на другой раз, исход этой битвы слишком важен.

Лорд Иззо выступал следующим. Потоптавшись на месте, он так и не смог принять решения, поэтому спрятал свой браслет с жёлтым камнем обратно в карман.

– Все мы с раннего детства изучаем историю. – Лорд Кирон начал выступление издалека. – Каждый знает об ужасах кровопролитной войны, поколения хранят в сердцах память о героях, отдавших жизни для возвращения мира. Мы благодарны судьбе за тот день почти тысячу лет назад, когда был принят Закон. Была основана Свободная земля...

– Добровольная тюрьма, – пробормотал Алакрион.

– ...и воцарился мир, – громко и торжественно продолжал Кирон. – А теперь наш не в меру сердобольный четвёртый лорд предлагает закрыть глаза на нарушение Закона? Чтобы правитель Марилии возомнил, что мы уязвимы, и предпринял попытку захватить наши земли?

– Король Марилии не собирается на нас нападать, – вновь перебил Алакрион, – наоборот, он стремится к сотрудничеству. В наших условиях глупо отказываться от дружбы и помощи, но какая благодарность ждёт Норклиф, если по нашей вине пострадает их принцесса!

За его спиной раздался неясный возглас. Лорд Кирон, чьё место находилось напротив, подался вперёд, буравя Алакриона взглядом.

– Закон, – прошипел он, – нужно соблюдать. Именно так поддерживается гармония в мире. Поэтому я предлагаю сбросить нарушителей в пропасть, чтобы преподать урок другим легкомысленным преступникам.

Алакрион невольно обернулся на этих самых преступников. Трое спутников принцессы пристально разглядывали её – кто с удивлением, кто с легко читаемым упреком. Сама она делала вид, что вообще тут ни при чём.

– Нет, серьёзно? – воскликнул темноволосый парень.

Лорд Тамарис поддержал своего друга Кирона. Лорд Вэлвин, положив на стол браслет с зелёным камнем, также предложил оставить чужестранцев в Норклифе.

– А что. – Он причесал бакенбарды ногтями. – Нам не мешают лишние работники. Вон ту вторую девушку я с удовольствием приму в дом служанкой.

Теребя дорогое украшение на шее, он плотоядно зыркнул на спутницу принцессы – невзрачную и чересчур тощую, на вкус Алакриона.

– Ещё раз посмотришь на неё, и это будет последнее, что ты увидишь в жизни, – будничным тоном прокомментировала намёк Самира.

Заседания Совета давно превратились для Алакриона в рутинное, малоинтересное занятие, но сегодня он волновался. Его затылок пылал от пристального внимания тех, чья судьба вершилась в этот самый момент.

Повисло тягостное молчание, и взгляды всех присутствующих – сознательно или же интуитивно – устремились на кристалл в центре шестиугольного стола.

Судьба вершилась этажом ниже.

Не ведающий о теме заседания служитель дома Совета (они менялись каждый день) смешивал краски в произвольных пропорциях и через систему непрозрачных труб подавал их наверх. Под шестиугольным столом находился резервуар с быстро вращающимся диском. Попадая на него, краски распылялись, и цветные капли оседали на внутренней поверхности кристалла.

Удавалось ли кому-то из лордов однажды повлиять на исход? Как знать... Пока, во всяком случае, никто не признавался.

Этим утром в сложной схеме произошёл незначительный, казалось бы, сбой: сегодняшнего дежурного свалил приступ мигрени. На замену ему вышел другой служитель. Он не отличался высоким ростом, но нарочно взял лестницу и полез за краской на самую верхнюю полку. Там выбрал пузырёк в правом дальнем углу – потому что был левшой.

Случайный человек затеял игру с судьбой. Судьба без долгих колебаний сделала ответный ход – кристалл в центре стола ярко вспыхнул синим цветом.

Теперь меня называют рассказчиком. И смотрят как-то иначе. На самом деле должность называется хранитель историй – звучит выразительнее, но используется только в торжественных случаях и опускается в повседневной жизни в угоду простоте изъяснения.

Даже не должность, а призвание.

Мне пока не совсем ясно, что это означает. Однако теперь в рюкзаке за спиной есть тетрадь, в которую мне вот уже несколько дней хочется что-нибудь написать.

Истории могут быть любыми: правдивыми или вымышленными, отражать ключевые события в жизни целой страны или касаться только меня. Я и вовсе не обязан ничего записывать, если не желаю.

И всё же теперь я рассказчик.

Прежде я не делился с бумагой мыслями. Возможно, эта запись будет первой и последней в дневнике. Не умею я складно излагать мысли, вот и сейчас начал не с главного.

Сперва нужно объяснить, как я стал рассказчиком.

Дневник рассказчика – Вступление

Вчера

Мэривилль

Остаток ночи Джеку снились мыльные пузыри. Когда он, провалявшись до обеда, но всё равно не выспавшись, явился к Тони в общежитие, то обнаружил друга в окружении сумок и разбросанных по всем горизонтальным поверхностям вещей. Самира тоже была здесь: сидела на широком подоконнике и читала учебник по термодинамике.

– Меня это даже не удивляет, – пробормотал Джек себе под нос. Он сразу отметил, что Тони не сменил вчерашнюю одежду, не причёсался и, очевидно, не ложился спать. Тем не менее щёки его покраснелись, а глаза нездорово блестели за мутными и пыльными стёклами очков. Возможно, к этому имели отношение три пустых стаканчика из-под кофе, которые Джек заметил возле ноутбука.

Зато Самира в прелестном светлом платье была хороша и свежа, как капля росы в первых лучах рассвета, а с книгой в руках она и вовсе стала для Тони божеством для поклонения.

– Собираешься в отпуск? – Джек развалился в кресле, предварительно сбросив на пол кучу рубашек.

– А камеру я могу взять? – спросил Тони. Стоя на табуретке, он искал что-то на шкафу.

– Нет. – Самира не отвлекалась от чтения.

– А просто фотоаппарат?

– Нет.

– Ладно. И мобильный телефон мне, ясное дело, не пригодится. А ноутбук? В нём важные документы и программы.

– Нет.

– Мини-лабораторию? Она много места не займёт, честно.

– Не стоит.

– А у вас есть электричество?

– Нет.

Табуретка под Тони качнулась, но он смог удержать равновесие.

Джек в который раз за последние часы проверил телефон – новых сообщений не поступило.

– Грэйс звонила мне утром. – Тони верно истолковал его действия. – Сказала, что у неё всё в порядке.

Боковым зрением Джек заметил, как плечи Самиры напряглись, а страница, которую она как раз переворачивала, зависла в воздухе.

– Помнишь, как Грэйс сбежала из дома искать маму? – спросил Джек, невольно улынувшись.

– Помню, конечно. Ей ведь было лет десять.

– Девять. Она собрала рюкзак, вышла утром из дома, но отправилась не в школу, а в неизвестном до сих пор направлении. Вернулась сама через четыре дня в довольно приличном виде, не найденная ни полицией, ни поисковыми группами.

– Мистер Маршалл тогда чуть с ума не сошёл, – подхватил Тони.

Мысли об отце Грэйс начиная со вчерашнего вечера теперь стабильно сопровождались неприятными спазмами в желудке. В последний раз Джек так переживал полгода назад, когда после побега из медицинской школы он много часов ехал в поезде, наблюдал сменяющиеся за окном пейзажи и гадал, как его встретят друзья.

– Хорошо, что они всегда возвращаются, – сказал Тони, слезая с табуретки. В руках он держал увесистый стереомикроскоп.

– Это тебе тоже не понадобится, – твёрдо заявила Самира, предвосхитив все запланированные вопросы.

Тони расчистил себе небольшую площадь на кровати и расположился напротив Джека.

– У меня почти всё готово, – сказал он.

– Что именно?

– Я составил письмо в деканат и сообщил, что беру отпуск на неопределённое время для самостоятельных исследований. Потом позвонил родителям и расписал им развёрнутую версию, дескать, место исследований находится на Аляске, где у меня будут ограничены средства связи. Затем я написал программу, которая через произвольные отрезки времени будет посылать им сообщения о моём добром здравии.

– Ты спятил, – мрачно резюмировал Джек.

– Нет, сейчас я вполне уверен в моём душевном равновесии, – возразил Тони тоном опытного психотерапевта.

На этом сборы пришлось прервать. Оставив комнату в состоянии полнейшего хаоса, Тони наспех помылся, побрился и надел мятую, но белую рубашку. И они отправились на ужин к Сэму Маршаллу.

Самира виртуозно тянула время: то и дело останавливалась, чтобы поправить волосы или достать невидимый камешек из мокапина, интересовалась архитектурой и историей каждого встречающегося на пути здания, а Тони охотно рассказывал ей всё, что знал.

Но путь от общежития был недлинным. Вот показалась Тринадцатая улица, небольшой двухэтажный дом, входная дверь – старая, массивная и выкрашенная в тёмно-зелёный цвет. На узкой дорожке Самира сначала снизила темп до уровня раненой улитки, а после вдруг резко всех обогнала, первая взлетела на крыльцо и нажала на звонок.

Пока они слушали шаги с другой стороны, Джек стал свидетелем поистине волшебного превращения. Самира выпрямила спину и стала чуть выше ростом, хмурая складка на её переносице разгладилась, уголки бровей приподнялись, а глаза слегка сощурились и как будто остекленели. Если бы Джек занимался кастингом для фильма про Снежную королеву, то с выбором актрисы на главную роль он бы определился прямо сейчас.

Надо отдать должное Сэму Маршаллу: когда дверь распахнулась, хозяин дома не выглядел удивлённым или растерянным. Приветливо кивнув Джеку и Тони, он уставился на девушку между ними.

– Как же ты похожа на свою мать, – сказал он застывшим голосом.

Самира была готова ответить что-то язвительное – Джек уже знал, как в такие моменты меняется её выражение лица, – но не успела, так как мистер Маршалл бесцеремонно схватил её в охапку и прижал к себе.

– Проходите, скорее же! – воскликнул он, буквально перетащив Самиру через порог. – Почему ты сразу не сказала? Я ничего о тебе не знал, а ты моя дочь! Ты ведь моя дочь?

Он слегка встряхнул Самиру, которая уже переварила воображаемый стальной стержень и тряпичной куклой повисла в его руках.

– Вы догадались, – констатировал Джек. Он зашёл последним и закрыл за собой дверь.

Мистер Маршалл выпустил Самиру из объятий и оглядел её с ног до головы, как бы проверяя на повреждения.

– Спасибо, конечно, что *не* предупредил, Джек. Ничего, мне понадобилось всего несколько часов, чтобы сопоставить все кусочки мозаики. Я рад, что ты пришла, – обратился он к Самире.

– А я пока не уверена, что рада, – вызывающе ответила та.

– Я понял, – с готовностью выпалил мистер Маршалл. – Давайте для начала поужинаем. Грэйс ждать не будем, у неё... у неё дела.

«Поужинаем». Если бы он подразумевал «давайте посидим за столом, посмотрим на вкусную еду, но не притронемся к ней из-за неприязни к повару или по другой уважительной причине», то так бы и сказал. Лишь Джеку хватило аппетита, чтобы планомерно уничтожить две порции овощного рагу.

Остальные занимались в основном тем, что смотрели на Самиру. Мистер Маршалл, что объяснимо, смотрел на Самиру; Тони смотрел на Самиру и изредка на мистера Маршалла. Сама Самира рассматривала себя в зеркальном отражении пустой тарелки.

Под пристальным невниманием Джек тихонько выпил своё вино и теперь размышлял, как бы незаметно дотянуться до бутылки.

– А можно спросить? – нарушил молчание Тони, и это было подобно раскатам грома в солнечный день.

– Конечно, Тони, – ответил мистер Маршалл.

– Истории, которые вы рассказывали нам когда-то... все они – правда?

Прекрасный момент, чтобы подлить себе вина – Джек с радостью им воспользовался. Не подобает хорошему белому вину, за которое он сегодня утром выложил приличную сумму, уныло греться в бутылке.

– В большинстве своём – да, правда.

– Но ведь мы думали, что это сказки! – обиделся Тони.

Обычно люди возмущаются, когда небылицы выдают за правду, а не наоборот. Как если с младенчества убеждать ребёнка в том, что Санта-Клауса не существует, а он в один прекрасный день вываливается из дымохода с полными мешками подарков.

Мистер Маршалл добродушно улыбнулся:

– Я так и планировал.

Да будет благословенна любознательность Тони, которая всегда многократно превышала его стеснительность и выручала из многих неловких ситуаций (если только не становилась их причиной). Он в стотысячный раз – в первый для хозяина дома – поведал о своём приключении из детства. Для благодарных и доверчивых слушателей Тони украсил рассказ подробностями и поделился эмоциями.

– И вот, когда я почти отказался от поисков, – резюмировал он, – появляется Самира и спрашивает...

– Надо же, – перебила Самира, – если бы я тогда задала *правильный* вопрос про шар или вовсе промолчала, то не сидела бы сейчас здесь!

Такой интонации у неё Джек ещё не слышал. Определение «истеричная» было, наверное, преувеличенным. Однако голос звучал как из старого расстроенного патефона, который сначала долго пылился на чердаке, а потом его при переноске уронили с лестницы.

Скомкав в руках бумажную салфетку, Самира начала отрывать от неё маленькие кусочки, скатывать их в шарики и складывать на тарелке аккуратной горкой.

– Невероятно, как за столько лет мы ни разу не поговорили об этом! – воскликнул мистер Маршалл.

– Я тоже вчера всю ночь мучился этим вопросом. Но не будем сожалеть о прошлом, теперь вы рассказывайте! – Тони принял позу внимательного слушателя.

После таких призывов нужно собраться с мыслями, разбавить воспоминания небольшим количеством алкоголя и набрать полную грудь воздуха.

– Мой отец был археологом, – начал мистер Маршалл, – поэтому к двадцати трём годам я успел побывать в стольких странах, что некоторые из них уже стал забывать. Я учился в семи разных школах и двух университетах. Пропустил добрую половину занятий, зато писал статьи о собственных исследованиях, которые мои преподаватели находили достаточно интересными, и привозил занятные сувениры. Поэтому меня не отчислили. На последнем курсе я начал встречаться с Николь, матерью Грэйс... Кхм, если все наелись, может, мы переместимся в гостиную?

– С удовольствием, – ответил Тони. Он торопливо вскочил и подал Самире руку, но та самостоятельно встала и первой покинула кухню.

– Не обращайтесь внимания, – шепнул Джек мистеру Маршаллу, – у неё трудный характер. Грэйс как-то назвала её своеобразной, и, поверьте, это мягко сказано.

– Они с Грэйс давно знакомы? А как они, ну... ладят между собой?

Джек почесал в затылке. Он подумал, что Самира и Грэйс имеют крайне мало общего и по-разному смотрят на мир, так что вряд ли они когда-нибудь поладят.

Гостиная Маршаллов была больше похожа на библиотеку. Две стены занимали полки с книгами, причём нижние ряды стояли на полу, а верхние упирались в потолок. В отличие от кабинета профессора в университете здесь книги были рассортированы по авторам и расставлены по алфавиту. Пыль регулярно протирали, а потрепавшиеся переплёты аккуратно подклеивали. Недавно также появился полный каталог наименований, который Джек лично помог составить. В тот день – возможно, лучший в его жизни – он просматривал каждую книгу, иногда зачитывая Грэйс любимые моменты, а она записывала в тетрадь название, автора и год издания. Они смеялись над шутками, которые никто никогда не вспомнит, ели пиццу и записывали её безалкогольным пивом.

– Итак, на чём я остановился? – спросил мистер Маршалл, заняв любимое кресло Грэйс в центре комнаты.

Джек и Тони расположились на диване, а Самира выбрала себе круглый пуфик у окна – отличная наблюдательная позиция в стороне от остальных.

– Ах да, Николь. Мы встречались недолго. Ей нравились мои истории и то, что я писал за неё рефераты. А мне – с каким восторгом она слушала. В тот вечер она сказала, что ждёт ребёнка.

Истории взрослеют вместе со слушателями. Сбрасывая сказочность, они покрываются липким налётом реальности и присущих ей трудностей.

От взгляда Джека не укрылось, как Самира вздрогнула.

– Я не был готов... Мы оба не были. – Мистер Маршалл, похоже, ещё никому не рассказывал об этом, а теперь, от проговаривания некоторых поступков вслух, его чувство вины приобретало новый оттенок. – Следующим утром я с группой других студентов должен был отправиться в Перу, наглядно изучать историю Империи инков. Как вы понимаете, это приключение привлекало меня куда больше, чем внезапная возможность стать отцом. Мы с Николь сильно поссорились. Она бросила, что не желает возиться с маленьким ребёнком, что избавится... А я сказал: «Ну и пожалуйста!» – и ушёл.

– Вы не могли так поступить! – воскликнул Тони.

– Но я поступил именно так. Тогда у меня были иные приоритеты. – Мистер Маршалл невольно посмотрел на полку, где перед рядом книг стояла их с Грэйс фотография в самодельной рамке из ракушек. Посмотрел и быстро отвернулся. – Ох, эта поездка в Перу сразу не задалась.

Самира хмыкнула. Тихий звук вместил в себя гораздо большую дозу злорадства, чем позволяла его амплитуда. Мистер Маршалл невесело улыбнулся.

– Твоя мать тоже верила в провидение, – сказал он, – убеждала меня, что любое трудное решение можно принять без терзаний, если научиться понимать знаки.

– И ничто в мире не происходит случайно, – перебил Джек, – только не надо опять про судьбу. Рассказывайте дальше, что у вас там не задалось.

Ну и пусть его вмешательство выходило за границы вежливости. Джек выписал себе бессрочный абонемент говорить мистеру Маршаллу всё, что вздумается, и каким угодно тоном.

– Разве могу я не верить в судьбу после всего, что произошло со мной? – мягко спросил мистер Маршалл. Он подошёл к окну, у которого сидела Самаира, поправил невидимую складку на шторах и, чуть помедлив, вернулся в кресло. – Итак, с самого начала путешествия всё пошло не так. Почти половина группы, а также наш проводник, индеец из племени кечуа, подхватили лихорадку и не смогли продолжать путь. Через неделю при переправе через реку мы потеряли одну лодку, а с ней добрую часть припасов. Не буду утомлять вас рассказами о многодневных блужданиях в тропических лесах Амазонки. Скажу только, что некоторые из моих товарищей пожелали вернуться. Другие обнаружили остатки древнего поселения и решили задержаться, чтобы изучить его. И дальше я отправился один.

Тони заёрзал на диване. Он с удовольствием бы утомился рассказами о тропиках, но сегодня все собрались здесь, чтобы послушать другую историю.

– Да уж, в те годы моё безрассудство многократно превосходило здравый смысл. – Сэм Маршалл рассмеялся и сразу стал выглядеть моложе. – Я продолжил идти вперёд, даже когда сильно повредил ногу о торчащий корень. Мечтал познакомиться с представителями неконтактных племён, которые ещё сохранились в тех краях, изучать их образ жизни и культуру.

– Разве название «неконтактные» не означает, что представители не желают быть найденными и изученными? – спросила Самаира.

– Так и есть, – ответил мистер Маршалл, – только от меня они были в полном восторге.

– Ну безусловно.

– Мне посчастливилось встретить двух молодых охотников. Я жестами объяснил, кто я и откуда, показал рану на ноге, которая к тому времени выглядела плачевно. Охотники критически осмотрели меня, изучили содержимое рюкзака и оказались настолько любезны, что отвели в своё поселение. Там я познакомился с Самуа, их шаманом-врачевателем. Весьма любопытный персонаж! Несмотря на всю так называемую неконтактность его народа, Самуа неплохо говорил на испанском. Ему было лет сорок... ну или девяносто, я точно не уверен, но волосы его были чёрными, без намёка на седину, а глаза ярко-зелёными.

– Зелёные глаза у индейца? – удивился Тони.

Мистер Маршалл пожал плечами:

– Именно так. Во всех отношениях необыкновенный человек. Вылечил мою рану за несколько дней, только небольшой шрам остался. – Он замолчал, то ли задумался, то ли решил выдержать паузу. – Как-то поздним вечером я устроился у костра и делал записи в журнал. Самуа сидел рядом и выглядел чрезвычайно взволнованным. Чтобы вы понимали, чем взволнованный Самуа отличается от спокойного: в состоянии крайнего возбуждения он движется не как обычная черепаха, а как черепаха, которая торопится и делает не два, а целых три шага в минуту. Пожалуйста, Джек, не смотри на меня так.

Джек вздрогнул.

– Я не смотрю на вас. Вы в принципе больше для меня не существуете, – ответил он с вызовом, игнорируя толчки в бок от Тони.

Мистер Маршалл покорно кивнул:

– Мне нет оправданий, но...

– Всё верно, вам нет оправданий. Если ты ещё раз стукнешь меня, Тони, то полетишь с этого дивана.

Оттолкнув друга, Джек встал и ушёл на кухню. Как он вообще смог так долго усидеть на месте и не взорваться? Мысль о том, что из-за незрелости двух безалаберных эгоистов Грэйс могла бы не родиться, отбойным молотком стучала в висках. Джек сам не был образцом для

подражания, мамы других мальчиков, достигших полового созревания, никогда бы не поставили его в пример. И всё же в его схеме морали присутствовал компонент некой безусловной ответственности.

Присев на край стула, Джек залпом выпил вино, которое немногим ранее проигнорировала Самира. Вспышка злости постепенно утихла и преобразовалась в устойчивый неприятный осадок. Джек не стал возражать, когда мистер Маршалл тяжело опустился на соседнее место.

– Мне тоже страшно, – сказал он тихо. – Ночные кошмары разные бывают, но у меня только один – жизнь, в которой никогда не было Грэйс.

– Простите, что накричал, – неожиданно для себя извинился Джек. Он близко знал Сэма Маршалла большую часть жизни. А теперь оказалось, что не знал.

– Ничего, я много лет ждал, чтобы кто-нибудь на меня накричал. Теперь могу вслух попросить прощения у кого-то. Просил у себя самого – тщетно.

– Вы хотя бы собирались вернуться?

– Я решил это в тот самый миг, когда захлопнул за собой дверь. Да я уже и ехать никуда не хотел... чёртово упрямство! Перед тем как сесть на поезд, я звонил Николь, клялся, что вернусь, умолял не делать... ничего. Обещание я сдержал. – Мистер Маршалл разрушил горку из остатков салфетки, которую Самира выстроила на тарелке. – Даже когда я встретился с мамой Самиры – как бы сильно я ни успел её полюбить...

Делиться истинными чувствами – совсем не то, что рассказывать сказки. Особенно если чувства эти скомканы, плотно утрамбованы и похоронены под пластом новых забот. Казалось, мистер Маршалл с трудом их откапывал.

– При первой же возможности я вернулся. А когда взял Грэйс на руки... О, Джек, у меня внутри всё перевернулось. То, что раньше казалось важным, отправилось в конец списка ценностей. Я пропустил день её рождения, но только тот, самый первый, а после пообещал себе стать лучшим отцом в мире.

Джек подумал, что и это обещание Сэм Маршалл сдержал, но вслух не признался. Открыто осуждать у него получалось легче, чем сочувствовать.

Когда они вернулись в гостиную, то обнаружили Самиру на диване рядом с Тони. Тот шёпотом внушал ей что-то, помогая себе энергичной жестикуляцией, а Самира тем временем рассматривала скучный рисунок на ковре. При появлении хозяина дома Тони замолчал и покраснел.

Джек втиснулся между ними, и правая сторона его тела словно прижалась к каменному изваянию.

– На чём я остановился? – Мистер Маршалл вновь занял место в кресле напротив.

– На том, что случилось однажды вечером, когда вы сидели у костра, а ваш друг был чем-то взволнован, – развёрнуто подсказал Тони.

– Ах да. Самуа говорил что-то о путешествиях и предложил устроить мне приключение, о котором я и мечтать не мог. Показать другой, неизведанный мир. – Профессор рассмеялся. – Знаете, он всё время курил трубку, и я подумал сначала о... хм... неких наркотических веществах, проводниках в мир грёз и видений. Если вы понимаете.

– Мы понимаем, – заверил Джек, о чём тут же пожалел и пообещал себе молчать до конца рассказа.

– И как же? Что было дальше? – Тони подался вперёд.

Мистер Маршалл накрутил на палец чёлку. Грэйс тоже так делала, когда задумывалась.

– Я не совсем понял, что произошло, – наконец ответил он. – Помню, как Самуа вложил в мою руку что-то круглое, потом... Потом я чихнул и отключился, а очнулся уже совсем в другом мире. Первое, что я увидел, открыв глаза, было лицо твоей матери.

Он посмотрел на Самиру – иначе, не так, как раньше. До этого его взгляд был любопытным, а теперь стал заискивающим, жаждущим признаков ответного интереса.

– Слишком прекрасна, чтобы быть реальной... Я не сразу отказался от мысли о галлюциногенных веществах. – Мистер Маршалл попробовал рассмеяться, но это вышло у него крайне неловко.

– Наверное, ты до сих пор не веришь в её существование. Иначе как так вышло, что ты ещё о ней не спросил? – вставила Самира. Волны её звенящего голоса разошлись во все стороны, они врезались в молекулы воздуха и зарядили его невидимыми трескучими искорками. Джеку стало так неудобно, будто он не сидел сейчас на мягком диване, а стоял на одной ноге в переполненном автобусе с прижатым к стеклу лицом.

– Наверное, – медленно протянул мистер Маршалл, – я боюсь услышать ответ.

У него хватило мужества, чтобы не отвести взгляда, не пошевелиться даже. Только пружины кресла жалобно заскрипели.

– Правильно делаешь, что боишься. Она умерла.

На втором этаже раздался грохот.

Мистер Маршалл вздрогнул только спустя десять секунд. Ещё некоторое время ему понадобилось, чтобы сформулировать сбивчивые слова извинения и неровной походкой удалиться наверх.

– Ты ничего нам не рассказывала. – Тони успел нарушить паузу как раз вовремя, пока она не стала давящей.

– А меня никто не спрашивал!

Тони протянул руку, чтобы погладить её по плечу, но Самира дёрнулась, и его раскрытая ладонь нелепо замерла в воздухе.

– Прости, я правда думал только о себе. Мне очень жаль.

До этого Джек гордился своей смекалкой, ведь он сумел разрешить некоторые загадки раньше, чем ответы оказались в общем доступе. А теперь выяснилось, что главное открытие – середина паутины, от которой расходились остальные ниточки, – не посетило его великий ум.

– Посмотрю, что там случилось, – протараторил Тони и поспешно удалился из комнаты.

Стало тихо. Затем ещё тише – птицы за окном перестали щебетать и прислушались. А потом Самира затряслась.

Ну вот, он так и знал.

Джек не отличался галантностью, поэтому просто схватил Самиру и притянул к себе. Однако её дрожь не унималась. Ещё немного, и она могла бы стать причиной хорошего такого землетрясения с эвакуацией людей и возмещением ущерба.

– Знаешь, чтобы стало легче, нужно плакать не вовнутрь, а наружу, – посоветовал Джек. – Слёзы должны вытекать из глаз. Слёзы, если что, это такие мокрые солёные капли...

Он замолчал: догадался по всхлипываниям и намокающей на груди рубашке, что совет был принят к сведению.

– Ты, наверное, ещё ни разу не говорила этого вслух. – Джек погладил девушку по волосам. – Пока не осмелишься, будешь притворяться, что это неправда. Зато теперь ты преодолела самое трудное и сможешь жить дальше.

Всхлипы достигли кульминации и стали постепенно утихать.

– Всё будет хорошо. Между прочим, ты первая, кому я это говорю. Люди всегда хотят слышать, что всё будет хорошо. Но я же не могу этого гарантировать, сама понимаешь, поэтому обычно отмалчиваюсь.

Самира освободилась из его объятий и высморкалась. Отодвинувшись на другой конец дивана, она отточенными движениями поправила волосы, разгладила одежду и сложила руки на коленях, словно та короткая вспышка проявления человечности случилась вовсе не с ней. А Джек остался в мокрой рубашке и с внушительным запасом неиспользованных добрых советов.

Грохот повторился. На лестнице, ведущей со второго этажа, показался Тони – он тащил за собой большой деревянный сундук.

– Ого, – прокомментировал Джек. Он хорошенько взвесил желание помочь другу: за время его колебаний Тони как раз спустился и с глухим стуком поставил сундук посреди комнаты.

– Что там случилось?

– У шкафа сломались все четыре ножки, и он рухнул.

– А это что такое?

Тони уселся на пол возле сундука и приложил ухо к крышке.

– Это нам можно посмотреть пока, сувениры из путешествия сам знаешь куда. Там ещё были три толстых тетради с записями, но мистер Маршалл отобрал их, сказал, что в них много личного.

– А сам он где? – Джек зыркнул на Самиру.

– Пошёл искать Грэйс. – Тони тоже посмотрел на Самиру, но поспешно отвёл взгляд.

Самира с плохо скрываемым интересом разглядывала сундук и безуспешные, сопряжённые с постукиванием, прощупыванием и царапанием попытки Тони его открыть.

– Так, ключа у меня нет, – подытожил Тони. Он улёгся на пол и попробовал исследовать казавшийся цельным кусок дерева снизу.

– У тебя и замочной скважины нет, – заметил Джек.

– Тебе пора научиться видеть. – Самира села на пол рядом с Тони, предварительно подложив себе диванную подушку.

– Я умею видеть!

Самира покачала головой.

– Ты делаешь всё наоборот: сначала выстраиваешь теорию, а потом смотришь и видишь то, что заранее придумал, но вовсе не то, что есть на самом деле. Если ты веришь, что дверь закрыта, то увидишь только закрытую дверь. Я понятно объясняю?

– Понятно, – сказал Тони и открыл крышку.

* * *

Это было дерево на самой окраине города. Раньше здесь ещё находился крайний в городе дом, но когда покосившуюся постройку снесли за ненадобностью, осталось только дерево. Старая ветвистая яблоня каждое лето приносила ранние плоды, которые никто не собирал: яблоки осыпались, темнели от удара об землю и до первого снега привлекали насекомых ароматом подгнившего сидра. Яблоня росла у самой дороги, рядом со знаком «Счастливого пути, возвращайтесь в Мэривилль». Если залезть по веткам хотя бы до середины, становилось видно, как изредка проезжающие мимо машины скрываются за линией горизонта, где их вот-вот проглотит заходящее солнце.

Грэйс откусила кусочек от самого крупного и на вид почти созревшего яблока – челюсть свело от кислоты. О других частях тела, которые затекли от долгого сидения на дереве, она ментально отстранилась. Слезть и очутиться в реальном мире Грэйс пока была не готова, она как раз находилась где-то посередине вечности, которая проходит между получением информации и её осознанием. За последнюю неделю с Грэйс произошли довольно приятные события, и она была бы счастлива, если бы не это «довольно». Словно кто-то поковырялся в банке вкусного вишнёвого варенья и насовал туда косточек.

– *Хочешь финик?*

В тот вечер несколько недель назад Грэйс допоздна засиделась в библиотеке. Старательно делая вид, что готовится к тесту по биологии, она ждала, когда Джек закончит работу, чтобы вместе с ним идти домой десять, а то и пятнадцать минут. Самира тоже делала вид, но не так убедительно: сидела напротив и часа два перечитывала один и тот же абзац. Грэйс хотя бы переворачивала страницы, если Джек проходил мимо.

Почувствовав голод, она достала свой пакетик с сухофруктами, в котором осталось два помятых финика. Бутерброд с ветчиной и сыром Грэйс приберегла для Джека.

– *Хочешь финик?* – спросила она Самиру. – *Там внутри ещё орешек.*

Грэйс достала один, завернула его в салфетку и положила на одинаковом от них обоих расстоянии, в равной степени позволяющем и согласиться, и отказаться.

– *Зачем?* – опешила Самира.

– *Чтобы не быть голодной.*

Самира сняла с волос блестящую заколочку в форме кленового листика и поместила её рядом с фиником.

– *Тогда ты возьми это.* – И она выжидающе уставилась на Грэйс.

– *Зачем?*

– *Чтобы было красиво.*

Самира схватила лакомство и вместе с салфеткой спрятала его в карман.

– *Но мне не...* – начала было Грэйс, но почувствовала, что лучше не спорить. Кое-как прицепив заколку на макушке, она максимально приветливо улыбнулась.

Самира вновь погрузилась в чтение первого абзаца на первой странице учебника высшей математики.

– *Знаешь, если тебе нужна помощь – у меня есть друг, Тони, он хорошо разбирается в этом...*

Самира кивнула и, придерживаясь основных законов о вопросах и логических на них ответах, сказала:

– *Под эту заколку тебе ещё нужно платье. Голубое желательно. Хочешь, я помогу тебе выбрать? Можем завтра встретиться и пойти в магазин. Хотя завтра я не могу. Мне уже пора.*

Самира захлопнула книгу и стремительно покинула библиотеку, оставив Грэйс с открытым ртом. А потом подошёл Джек и, как обычно, занял собой основную часть её мыслей. В последнее время Джека вообще стало слишком много, если учитывать, что его всё так же было недостаточно.

Грэйс нажала кнопку на своём новом плеере, и включилась следующая песня. Красивая такая, на испанском языке. Одна из тех, что записал Тони. На испанском Грэйс знала целых три слова: любовь, мечта и сердце. Встречались они часто, видимо, история получилась душе-раздирающей.

* * *

Солнце коснулось верхушек самых высоких деревьев, и в гостиной появились первые вечерние тени. Тони заворожённо доставал из сундука один предмет за другим и передавал их Самире.

– А это что? – спрашивал он каждый раз.

– Это праздничная рубашка, – почти без раздражения ответила Самира.

– А это? – Тони достал увесистую бутылку в форме капли, запечатанную сверху позолоченной пробкой.

– Надо же, это самый настоящий арадонский эль!

Джек оживился.

– Эль? Это ведь что-то алкогольное? – спросил он, с интересом рассматривая булькающее содержимое бутылки.

– Ты себе не представляешь, насколько, – многозначительно ответила Самира.

– Я хочу попробовать.

– Не советую. Рискнешь прийти в себя дня через два в незнакомом месте: в карманах пусто, брюки надеты шиворот-навыворот, на спине царапины неизвестного происхождения и брови куда-то подевались...

– Ох! – Джек присвистнул. – Ты меня недооцениваешь.

– Это ты недооцениваешь арадонский эль.

– А это что? – Тони выудил кусочек ткани, из которого выпал небольшой треугольный предмет, выпуклый и заострённый с одной стороны.

Самира повертела его в пальцах: приблизила к самому кончику носа, потом вытянула руку, чтобы взглянуть на очертания находки в свете люстры.

– Интересно, где он это взял?

– Так что же это? – повторил Тони.

– Это коготь дракона, – беспечно ответила Самира.

– Нет...

– Да.

Дальше из сундука достали ещё несколько бутылок, содержимое которых вызывало у Самиры то улыбку, то откровенный испуг, мешочек с золотыми монетами (часть их под девизом «пригодится» отправилась в сумку); сапоги со стёртой подошвой, острый нож явно не для кулинарных изысков, а также несколько ювелирных украшений.

– Это я заберу, – сказала Самира, выбрав самое непримечательное из них: медный медальон прямоугольной формы, похожий на открывающиеся кулоны для фотографий.

– Ты не можешь растаскивать чужие вещи и деньги, – возмутился Джек.

Ответом был выразительный взгляд, исключающий дальнейшие споры.

– Ладно, тогда я заберу себе вот это!

Джек нашёл в сундуке объёмную светло-серую куртку из плотной ткани. Подкладкой ей служил мягкий искусственный мех, широкий воротник украшали кожаные ремешки, которые при желании можно было застегнуть под подбородком и защититься от ветра. Джек примерил куртку и с удовольствием отметил, что она ему как раз по размеру.

А Тони тем временем обнаружил на дне стопку рисунков и тетрадку, которая заняла первое место в списке любопытных находок.

– Ага, не все записи удалось от меня спрятать, – с заговорщицким видом прошептал он.

Джека заинтересовали рисунки – он узнал руку Грэйс. В детстве та считала любой чистый лист несправедливо обделённым и стремилась скорее исправить это при помощи цветных карандашей. Если вечером перед сном мистер Маршалл рассказывал Грэйс какую-нибудь историю, то утром её сюжет был увековечен на бумаге.

На первой картинке Грэйс изобразила что-то похожее на остров. Вероятно, у неё сломался синий карандаш для воды, поэтому остров как будто завис в воздухе. Дальше... Да, это несомненно был дракон, пусть добродушный и больше похожий на хромую лошадь с крыльями. Ещё был рисунок с тремя параболлами, на крайней из которых возвышался дворец с кривоватыми башнями.

– Замок на третьей горе, – пробормотал Джек.

Следующую картинку Грэйс подписала неровными печатными буквами: «Принцесса с золотыми волосами». Излишнее уточнение, ведь на картинке присутствовали все необходимые атрибуты принцессы: пышные волосы-завитушки, корона и розовое платье. Образ неземной красоты дополняли огромные глаза и упирающиеся в лоб густые чёрные ресницы.

– Это я тоже заберу, – сказала Самира. Она отобрала у Джека лист, бережно свернула его в трубочку и отправила в сумку вслед за монетами и медальоном.

* * *

Засыпать на деревьях вообще-то не рекомендуется, и для этого есть веские основания. Пропустившая ночь крепкого сна и убаюканная музыкой, Грэйс заметила, что падает, уже лёжа на земле. Она свалилась с небольшой высоты на мягкий ворох листьев. Повезло обойтись без ушибов, но Грэйс захотелось сдаться на милость внутреннего ребёнка и слегка пореветь.

Она вытряхнула из волос несколько веток и бабочку. Красивую, будто из чёрного бархата, расшитого белыми жемчужинами и красными гранёными рубинами. Одно её крыло казалось неестественно вывернутым, а на втором не хватало пары чешуек.

– Лети. Лети, пожалуйста.

Грэйс вытянула руку вперёд. Бабочка проползла от линии жизни на ладони до кончика указательного пальца и по кривой дуге взлетела. Покружила над головой, отдохнула на ветке яблони и отправилась дальше к заходящему солнцу.

– Счастливого пути, возвращайся в Мэривилль. Вдруг тебя здесь кто-нибудь ждёт...

Когда Грэйс достигла возраста, в котором человек начинает ценить кратковременное одиночество, она стала часто приходить к этому дереву мечтать и сортировать мысли. Домой Грэйс возвращалась вовремя, но у отца всё равно часто не хватало терпения её дожидаться. Загрузив корзинку для пикника, он приходил сюда прямо в своём университетском костюме, чтобы сидеть вдвоём под деревом и высматривать счастливые номера у проезжающих мимо машин.

Вот и сейчас Грэйс не нужно было оглядываться, чтобы определить звук его шагов.

– Я принёс тебе немного пирога. – Отец опустил рядом на траву. – Только он уже холодный. И на твой вкус немного пересоленный. Хотя Джеку понравилось. Правда, ему почти всё съедобное нравится – ума не приложу, как он ухитряется оставаться таким худым.

Отец всегда говорил много и сбивчиво, когда переживал.

– Ты на меня злишься? – неуверенно спросил он.

Грэйс подвинулась ближе, любезно подставив плечи для объятий.

– Пытаюсь, – ответила она.

– Это как?

– Я обязана злиться, ты обманывал меня много лет, всё такое... Вполне тянет на истерику.

Грэйс испытала приступ неуместной весёлости, ей даже пришлось закусить губу, чтобы не рассмеяться.

– Получается?

– Нет. Хотя я честно очень-очень стараюсь.

Оказалось, что одиночество – не всегда лучший способ привести мысли в порядок. Иногда эффективнее и приятнее просто посидеть рядом с самым любимым в мире человеком, положив голову ему на плечо.

* * *

– Самира, а сколько тебе лет? – Верхняя половина лица Тони показалась из-за тетради. Он сначала спросил, потом задумался, поправил очки и только после этого смутился и покраснел.

– Мне двадцать.

Не обладая выдающимися способностями к математике, Джек всё же удивился:

– Как это? Я думал, ты родилась после Грэйс.

– Потому что ты считаешь по вашей временной шкале. – Самира уставилась на него в терпеливом ожидании следующего вопроса.

– Прости, что?

– В том, другом мире время идёт чуточку быстрее, – вмешался Тони, – фактор...

Джек замахал на него руками:

– Иначе говоря, если считать, – он изобразил пальцами кавычки, – по нашей шкале времени, то ты родилась позже Грэйс на пару месяцев. А если учитывать все прожитые тобой годы, то ты её старше?

– Ага, – весело сказала Самира.

– Фактор получается примерно одна целая одна десятая одна сотая... – всё же решился вставить Тони, однако Джека мало интересовали цифры.

– Так ты старшая сестра или младшая? – задал он вопрос поважнее.

– Я старшая.

Джек покачал головой:

– Хм, а мне всё-таки кажется, что ты младшая.

– А я осмелюсь утверждать, что ты ошибаешься. И в этом нет ничего удивительного.

Другие миры, где время идёт иначе, занимательная математика, найденные родственники. Похоже на плохую мыльную оперу, в которую специально добавили фантастические элементы, чтобы объяснять ими нестыковки в сюжете. А ведь совсем недавно жизнь была такой образцово скучной.

– Мне нужно покурить, – придумал Джек и пошёл через кухню на задний двор.

– Я с тобой, – вызвалась Самира.

– Угу, – кивнул Тони, не подняв головы. Глубокая складка озабоченности залегла между его бровями.

На улице их ждал чудесный летний вечер. Если сравнивать этот вечер с другими, он с отрывом победит во всех номинациях: оптимальная температура, чистый воздух с ароматами цветов и свежескошенной травы, мягкие сумеречные силуэты, заигрывающие с без того расплывчатым воображением.

Когда-то Джек навещал сюда чуть ли не каждый день. Из цветной мозаики воспоминаний об уютном дворике складывалась значительная часть его жизни.

Здесь, на крыльце, раньше скрипела вторая ступенька, когда они с Грэйс усаживались на неё поболтать. А потом мистер Маршалл забил несколько гвоздей, и ступенька скрипеть перестала. Вот этот огромный цветок гортензии в терракотовом горшке Джек застал ещё хилым ростком с двумя листиками. Он помнил, как перегорела лампочка в гирлянде под козырьком, как Тони свалился с гамака и пролил на него кофе – вон, коричневое пятно так и не удалось полностью вывести. Джек помнил, как специально для него однажды появилась пепельница в форме чернильницы.

Почему сегодня всё кажется чуждым? Кусочки мозаики рассыпались и перемешались.

Джек достал из кармана джинсов сплюснутую пачку сигарет и спросил на всякий случай:

– Это всё по-настоящему?

Самира кивнула.

– Ты волнуешься?

– Немного. А ты?

Он развёл руками – жест в равной степени мог означать «я не знаю» и «я не виноват».

– Зависит от того, как глубоко я рискну погрузиться в происходящее.

Пока что Джек плавал на поверхности, изредка, да и без особого энтузиазма заглядывая за край лодки. Он закурил. Самира пылливо следила за движением тлеющего огонька.

– Ты осуждаешь мою вредную привычку или хочешь попробовать?

Джек ожидал увидеть гримасу отвращения, но Самира взяла сигарету из его руки и спешно поднесла её к губам. Сделав пару коротких затяжек, она бросила окурочку на крыльцо и со знанием дела затушила его носком туфли.

– Из всего, что я пережил за последние дни, вот это сейчас было самое потрясающее, – признался Джек.

– Наконец я придумала, как тебя поразить. – Самира улыбнулась, но вдруг спохватилась: – Только не проболтайся Тони. И моему отцу. То есть, я имею в виду... А вообще мне всё равно!

Она отвернулась и попыталась незаметно понюхать свои волосы.

– Ты собираешься преодолеть некую границу реальности и очутиться в другом мире? – Джек прикурил новую сигарету. Пальцы плохо слушались, стали как деревянные. Будь он пианистом, карьера оказалась бы под угрозой.

– Дома дверь из моей спальни ведёт в прекрасный сад, там тоже растут такие цветы. Надеюсь, их поливали, пока меня не было, – ответила Самира как бы невпопад, но на самом деле вполне однозначно.

– Ты хочешь забрать с собой Тони?

– Я хочу взять с собой Грэйс.

Вторая сигарета быстро закончилась, и Джек опустил окурочек в пустую пепельницу. К следующему его визиту пепельница снова будет чистой. Как всегда.

– И я должна позвать Тони, ведь ему это предназначено судьбой, в которую ты не веришь. – Самира оборвала с гортензии сухой лист.

– За это спасибо.

– А ещё с нами обязан отправиться ты.

– Это почему?

– Потому что тебе это приключение нужно больше всех.

Джек хотел возразить, но слишком долго придумывал саркастичный ответ, и он потерял остроту.

– Странно всё, – признался он. – У нас ведь есть много хороших книг про другие миры, но в них процесс описывается иначе.

– Как – иначе?

– Чудеса происходят внезапно. К примеру, дети залезают поиграть в шкаф и случайно выходят из него в волшебный лес. Они попадают в неожиданную ситуацию и вынуждены ориентироваться на месте, приспосабливаться к обстоятельствам.

– Это удобно, – согласилась Самира. – Я имею в виду шкаф.

Джек не уловил, посмеялась ли Самира над ним или в самом деле одобрила подобный способ перемещения между мирами.

– У нас всё получается запланировано, подготовлено. Скучно, что ли, – пожаловался он.

– Скучно не будет, я обещаю.

– Самое неприятное, – продолжил Джек, – что нет эффекта неожиданности, из-за чего у меня появляется выбор. Это всё усложняет.

– А ты не любишь усложнять, правда?

– Ты меня раскусила, не люблю.

Солнце уже достигло той степени неяркости, при которой на него можно смотреть, не замуриваясь. Чем ближе оранжевый круг подходил к горизонту, тем сильнее Джек ощущал наступление чего-то. Что-то могло быть плохим, хорошим, страшным или увлекательным – без разницы. Пугала вовсе не неизвестность, а неотступность. Джек мог сколько угодно жаловаться на выбор и отрицать провидение, но узкая дорожка, на которую он ступил, не имела развилок.

– И как ты собираешься это сделать? – Он опустил на ступеньку и закурил третью, последнюю в пачке сигарету. – Отправиться домой, в твою другую реальность.

Самира присела рядом и откинула за спину золотистые пряди, поймав палитру солнечных зайчиков. Её волосы не пропитались сигаретным дымом, а пахли имбирём.

– Есть несколько условий, которые нужно соблюсти, – произнесла она торжественно.

– А именно?

– Ты уже всё знаешь. Другие миры всегда существуют в твоей голове – осталось найти путь. Для этого нужен волшебный предмет, волшебное место и волшебное время. И волшебная пыль, но это и так ясно.

– Безусловно!

Джек театрально закатил глаза. Нелепицу, которая якобы существовала в его воображении, он разобрать не мог, а мысли стремительно перескакивали с «Ух ты, как интересно!» на «Какой бред, что я здесь делаю?».

– Предмет у нас есть. – Самира нашла в сумке тот самый шар, с которого всё началось. Вдруг она тихо выругалась. Начинка шара вновь изменилась: он заполнился белым туманом и стал походить на луну, только кое-где проглядывали очертания зданий.

– Что?

Самира нервно хихикнула:

– Помнишь, я говорила, что скучно не будет?

– Ага.

– Чистая правда!

Джек решил не допытываться:

– Хорошо. А что за волшебное место? У нас нет волшебных мест. Бывают, конечно, чудеса света. Пирамиды Хеопса, например. Было бы здорово воспользоваться ими, я всегда хотел побывать в Египте.

– Я присмотрела кое-что более доступное, – разочаровала его Самира. – Кстати, я видела ваши чудеса на картинках, они впечатляют.

– Благодарю. А волшебное время?

Самира пожала плечами.

– Что, и этот ответ в моей голове? – Джек выбросил последний окурок и с недоверием уставился на свои руки. Чем их теперь занять?

– Не ищи ответы, поверь в то, что знаешь.

Самира вложила стеклянный шар в его раскрытую ладонь, и пальцы Джека рефлекторно сжались.

– Полнолуние. – Он вздохнул. – Легенды гласят, что всякие магические ритуалы полагаются проводить в полнолуние.

– А ещё, – подхватила Самира, – в это время растения растут быстрее, ускоряется обмен веществ и улучшается мозговая активность.

– Но это не имеет ничего общего с магией!

– Магия безусловна, её можно черпать из разных источников. Силы природы – прекрасный источник.

У Джека заболела голова.

– Допустим, – сдался он. – И когда у нас следующее полнолуние?

– Сегодня.

Джек потянулся за сигаретами, убедился, что пачка пустая, смял её и засунул обратно в карман. Если сейчас полнолуние, почему его мозговая активность устремилась к нулю?

– Сегодня ведь одно из многих подходящих? – уточнил он без всякой надежды.

– Единственное подходящее, – подтвердила Самира его опасения.

– Полнолуние бывает каждый месяц.

– Но нам придётся воспользоваться сегодняшним.

Самира беспечно разглядывала муравьёв, которые цепочкой следовали в небольшую трещину в фундаменте. Джек отдал ей шар. В стеклянной поверхности качели Грэйс отражались вверх тормашками, и это производило жутковатое впечатление.

– Я не хочу сегодня, я не готов, – насупился Джек.

– Ты сам говорил, что приключение должно быть неожиданным. Незапланированным. Не иметь выбора, приспосабливаться к обстоятельствам, всё такое.

– И Тони не готов. – Джек пропустил мимо ушей справедливое замечание. – Ты видела, сколько всего он собрался взять с собой? Грэйс пропадает где-то, а мы ведь ещё не спросили, согласится ли она...

– Она согласится.

– А...

Джек хотел спросить, не желает ли Самира провести больше времени с отцом и ближе с ним познакомиться, но передумал.

– Скажи, Самира, – он впервые за вечер посмотрел ей в глаза, – с помощью твоей магии можно вернуться во времени?

– Хочешь что-то исправить?

– Было бы неплохо.

– Нет, нельзя.

А ведь у Грэйс такие же необычайно красивые глаза, почему Джек раньше об этом не подозревал?

– Может быть, существует другая реальность, в которой путешествия во времени возможны? – Он отвёл взгляд.

– Может быть.

– Тогда давай сначала заскочим в такой мир? Хотя бы ненадолго, мне очень надо.

Самира прислонилась спиной к нагретой солнцем кирпичной стене.

– Прости, я не знаю, как это сделать.

– А если бы знала, то не сказала? – спросил Джек.

– Точно. – Она рассмеялась.

– Значит, ваза, которую я уронил, разбилась окончательно. – В голосе должно было прозвучать разочарование, но интонация получилась бесцветной.

– Попробуй сложить из осколков новый рисунок.

– Я только изрежу пальцы себе и другим.

Самира кивнула и подняла лицо к небу.

– Сегодня мы отправимся в путешествие. – Она улыбкой поприветствовала первые тусклые звёзды среди сиреневых облаков. – Не знаю, что нас ждёт, как там всё получится... Но, Джек, я обещаю, что мы сотворим тебе другую вазу.

* * *

Для летней ночи воздух быстро остыл. Огромная полная луна заняла половину неба и словно намеренно охлаждала землю, как антипод солнца.

Не зря Самира наказала всем одеться потеплее. Так Джеку и Тони достались куртки мистера Маршалла, а сама она приняла в подарок от Грэйс джинсы и самый красивый свитер. Терять время на сборы собственных вещей, а также «ненужного барахла», которым осталась завалена комната Тони, было запрещено. К величайшему огорчению последнего.

Стоило хозяевам дома появиться на пороге, начался хаос. Самира хлопнула себя руками по коленям и громко объявила, что пора собираться. Тони досаждал её отцу вопросами, буквально по пятам преследуя его через гостиную, кухню, кладовую и даже ванную. А мистер Маршалл монотонно рассказывал про сундук, лунный календарь, географию и политическое устройство другого мира и старался принять неприятный факт, что обе дочери – и давно любимая, и вновь обрётённая – сегодня ночью собираются его покинуть. Возражать он не смел – не имел ни морального права, ни душевных сил. Поэтому он смиренно подыскивал тёплые вещи и набивал рюкзаки едой. Также Сэм Маршалл давал Тони странные наставления вроде: «Не

разговаривай в лесу с незнакомыми женщинами» или «По дороге в Мирт ни в коем случае не сворачивай направо». Для Джека он обозначил одно главное, доступно сформулированное поручение: присматривать за девочками.

В суматохе мысли и сомнения покинули голову с протяжным свистящим пшиком, как воздух из дырявого воздушного шарика. Стало легче принимать важные решения, вернее, повиноваться решениям, которые принимают другие.

И вот теперь пятеро ненормальных в состоянии разной степени растерянности собрались в магическом месте.

– Почему всё-таки здесь? – Тони грыз ноготь мизинца и от возбуждения забыл, наверное, что уже трижды спрашивал об этом.

– Я тебе потом объясню, – пообещал Джек, хотя сам понятия не имел, почему Самира выбрала волшебным местом дерево для свиданий – тот самый старый клён. Он украдкой взглянул на Грэйс. Вспоминает ли она их первый поцелуй на этой скамейке?

Но Грэйс терзали вовсе не любовные переживания. Желание обнять её появилось внезапно и ощущалось физически болезненным.

– Тебе, наверное, пора уходить, – сказала Самира. Обращалась она непосредственно к корням дерева, но истинного адресата не запутал её взгляд.

Мистер Маршалл кивнул в том же направлении. Он уже много раз прощался и повторял наставления, обнимал, хлопал по спине, энергично пожимал руки и вытирал слёзы Грэйс рукавом своей рубашки. Он желал удачи «там».

«Там» звучало мучительно, как противоположность «здесь» или даже «здесь, где я остаюсь совсем один».

Больше не за что было зацепиться. Мистер Маршалл зашагал в сторону дома.

Рассматривая его удаляющуюся спину, Джек, наверное, только сейчас осознал реальность происходящего. Одно дело слушать фантастические рассказы, а другое – получить подтверждение их правдивости от взрослого человека, которому он доверял. Незаметными приравненными шагами Джек подкрался к Грэйс. Он честно собирался поддержать её, пообещать, что всё будет хорошо, – эту лживую, зачистившую в его лексиконе фразу. Однако Джек услышал из собственного рта другие слова:

– Давай сбежим.

– Что? – Грэйс потёрла и без того красные глаза и сфокусировала на нём взгляд.

– Давай сбежим, то есть давай останемся! – Чем дальше Джек говорил, тем больше верил. – Пусть Тони отправляется на поиски приключений, а мы с тобой и здесь не заскучаем.

В это время Самира смотрела на луну сквозь стеклянный шар, а Тони крутился вокруг неё, выпрашивая про каждый следующий шаг. Так что о коварном плане Джека сорвать операцию никто не догадывался.

Грэйс безотчётно погладила рукав куртки, некогда принадлежавшей её отцу.

– Джек, моё сердце разрывается. Если снова предложишь мне...

– Давай останемся дома.

– Нет, я не могу. – Она крепко зажмурилась. – Прошу, не оставляй мне выбора, лазейки.

Несмотря на прохладу, ладони Джека вспотели, а рука Грэйс, когда он сжал её, оказалась сухой и тёплой.

– Джек, я тебя люблю.

Грэйс уткнулась носом в его плечо. Затикали секунды. Слова, ненадолго зависшие в ожидании ответа, разлетелись – не поймать. И вот она будто не говорила. А он будто и не слышал.

Один короткий промежуток вечности спустя под старым клёном для свиданий никого не осталось. Лёгкий ночной ветерок развеял частички свершившегося волшебства; с ветки слетело несколько листьев и опустилось на скамейку, где так часто случались первые поцелуи и признания. Стало тихо и пустынно.

На некоторое время...

4

Филин

Как вы представляете себе дракона?

Даже те, кто никогда не видел дракона – а таких, уверен, всё-таки большинство, – точно знают, как он выглядит.

Это огромное, злобное, покрытое чешуёй чудовище с длинным хвостом, один удар которого может в лепёшку превратить повозку средних размеров вместе с лошадьми. Морда у дракона исключительно свирепая, глаза жёлтые, а клыки, способные перекусить человека пополам, как хрустящую соломку, острые и многочисленные. Драконы изрыгают пламя, нападают на города, оставляя от них только горстку пепла, уносят людей и творят другие возмутительные вещи.

Теперь представьте себе привычный образ и умножьте его на пони. Того самого, который в яркой попоне с кисточками катает в парке детей.

Драконам Норклифа, безусловно, крайне обидно было бы узнать о сравнении с милыми пони, но их хозяева приложили все усилия, чтобы создать соответствующий образ.

Дневник рассказчика – Наблюдения

Алакрион поспешил увести пленников, которые теперь оказались в его распоряжении, из зала Совета и угнетающей тишины, которая в нём повисла. После их ухода тишина превратилась в возбуждённо-возмущённый гул – это четвёртый лорд знал наверняка.

Теперь несостоявшиеся шпионы, завернутые в пушистые пледы, пили чай на диване его гостиной; они ещё ни слова не сказали, даже друг с другом не разговаривали. Алакрион создал им спокойные, домашние условия, отослав всех слуг и стражников, и размышлял, когда правила гостеприимства позволят начать задавать вопросы. Где пропадала принцесса? Кого она привела с собой? И зачем? Как поживает Сэм Маршалл?

– Почему вы хотели нас убить? – спросил неожиданно гость, назвавшийся Энтони. Отставив чашку с недопитым чаем, он выжидающе уставился на Алакриона.

– Потому что так положено по закону. – Алакрион присел за рабочий стол напротив. – Это во-вторых. А во-первых, лично я не хотел вас убивать.

– И мы это чрезвычайно ценим, – встала Самира.

Алакрион почтительно кивнул.

– Я готов, наконец, узнать, кого имею честь принимать в гостях. Познакомишь меня со своими спутниками, принцесса?

Самира достала из-под пледа одну руку:

– С превеликим удовольствием я представляю вам, четвёртый лорд... Короче, это Тони, – указала она на неудавшегося главаря маленького отряда, – он учёный, исследователь. Справа от меня Джек – лучший лекарь своего города.

Лучший лекарь, услышав похвалу, чуть не пролил на себя чай.

– А это Грэйс, – продолжила принцесса, – она, она... как бы это сказать...

– Она здесь просто так, – закончила другая девушка.

От Алакриона не укрылась некоторая досада, прозвучавшая в её голосе.

– Так что за закон предписывает сбрасывать гостей в пропасть? – повторил вопрос Тони.

– Так и быть. – Алакрион нетерпеливо постучал пальцами по столу. – Сначала я коротко объясню, на каком тоненьком волоске от смерти вы находились сегодня утром, а потом вы ответите на мои вопросы. Согласны?

Самира скучающим взглядом обвела комнату, а остальные трое синхронно кивнули. Они напоминали недавно родившихся драконов, которые уже научились узнавать его запах и с жадным любопытством вытягивали шеи при его приближении.

– Почти тысячу лет назад в нашем мире бушевала война – долгая и кровопролитная, – проговорил Алакрион быстро и монотонно, желая поскорее закончить экскурс в историю.

– А почему? – перебил Тони.

– Что – почему?

– Почему была война?

Четвёртый лорд плеснул себе вина из графина, чего обычно не требовалось раньше полудня, и призвал всё своё самообладание.

– Потому что с древности люди сражаются за власть, за земли, за принцип... Так уж заведено.

– А... – начал было Тони, но Грэйс – да озарится вечным солнечным светом её существование – что-то шепнула ему на ухо, и дотошный вопрошатель смущённо замолчал.

– Однажды правители стран Северной звезды решили положить этому конец, – поторопился закончить Алакрион. – Военные действия прекратились, и был принят закон о ненарушении границ. Это значит, что жителям одной страны нельзя пересекать границы другой.

– Без визы? – не выдержал Тони. – То есть без разрешения? Но как это возможно, как работают международные отношения?

Алакрион развёл руками:

– Люди живут своей жизнью на своей земле и соблюдают закон как бы непроизвольно.

– Неужели не бывает исключений? – спросил Тони, намекая то ли на их собственное правонарушение, то ли на неприятную категоричность подобных ограничений для всех.

– Почему же, исключения есть всегда. В известной мере свободно путешествуют торговцы, гонцы... ну и рассказчики, конечно. Правитель одной страны может посетить другую по предварительному приглашению – здесь, опять же, действуют ограничения на длительность визита, численность свиты, вооружение стражи и тому подобное.

Самира хмыкнула и произнесла какое-то знакомое слово:

– Бюрократия.

Для остальных термин явно имел очевидное значение – они понимающе закивали.

– Если из нашего мира к вам просочились фантазии о магии, – добавила Самира, – то мы переняли у вас самое злобное – бюрократию.

Ну вот, они начали рассказывать о мирах.

– Хорошо, что ты заговорила об этом, принцесса. – Алакрион схватил интересующую его тему за хвост, пока она вновь не ускользнула в летописные дебри. – Я внимательно тебя слушаю.

Самира многообещающе набрала полный рот воздуха, но только для того, чтобы подобно резиновому мячику вновь выпустить его наружу с неуверенным тихим свистом.

– А что конкретно вас интересует? – уточнила она с почти искренним недоумением.

– Почему ты пропадала так долго, – Алакрион начал загибать пальцы, – как тебе удалось попасть в другой мир, почему ты привела с собой гостей.

Принцесса обворожительно улыбнулась:

– Откуда вам известно, что я где-то пропадала? Шпионы Норклифа так хороши?

Алакрион ответил ей не менее приторным оскалом. За несколько десятилетий в звании лорда Норклифа он научился не обращать внимания на невинные провокации.

– Что ты, принцесса, какие шпионы? Я располагаю исключительно официальными сведениями, полученными путём обмена важными, – он услужливо сделал ударение на это слово, – новостями и корреспонденцией.

Тони беспокойно заёрзал. Очевидно, он жаждал делиться знаниями, но не решался без особого разрешения. Вот бы остаться с любознательным исследователем наедине!

– Ладно, – Самира безразлично пожала плечами, – я расскажу. Хотя не могу обещать, что моё короткое повествование представляет какой-нибудь интерес. Эм... вы знаете моего отца?

Знал ли он Сэма Маршалла – человека, который в картотеке охраны периметра до сих пор числился в разделе разыскиваемых и особо опасных нарушителей? Алакрион удержался от ироничного междометия.

– Я слышал о нём...

– Правда? – вмешалась Грэйс. – Слышали? Он здесь знаменитый?

Алакрион не смог быстро придумать ответ. Любопытство в глазах девушки было непомерным, и удовлетворить его за короткое время не представлялось невозможным. Поэтому он спросил:

– А ты с ним знакома?

– Непосредственно, – ответил за девушку Джек.

Самира подняла руку, напомнив присутствующим, чья сейчас очередь говорить.

– Итак, – с нажимом сказала она, – как вы, несомненно, знаете, лорд Алакрион, мой отец прибыл к нам из другого мира. Пробыв здесь короткое время, которого, впрочем, хватило, чтобы... причинить непоправимый ущерб, он не помешкал вернуться.

При слове «ущерб» гости нервно переглянулись. Алакрион мог бы поспорить с категоричными суждениями Самиры, но сейчас счёл разумным просто кивнуть.

– Мне всегда хотелось узнать, что это за человек, мой отец, – затараторила Самира, хотя никто не собирался ни перебивать, ни возражать. – И однажды я отправилась за ним. В том мире я встретила ещё и вот этих забавных, не в меру любознательных персонажей, которые теперь здесь со мной. Вот и весь рассказ.

Обозначив точку выразительным жестом дирижёра, после которого оркестр замирает в абсолютной тишине, Самира удобнее уселась на диване, словно других планов на этот день у неё не было.

Потрясающая девушка! Ей зачем-то нравилось испытывать судьбу, провоцировать людей и проверять, насколько негативные эмоции они способны вытерпеть, прежде чем навсегда перестать с ней общаться. Только спутники Самиры, похоже, награждали её куда более выразительными определениями, чем просто «забавный персонаж», поэтому никто не обиделся.

– Как же тебе удалось попасть в тот, другой мир? – спросил Алакрион, посмеиваясь про себя.

– Мне подсказали, как это сделать, – исчерпывающе ответила Самира.

– Наверное, старый индеец, – сказал Джек.

– Разве это не общедоступная информация? – спросил Тони. – Я про путешествие между мирами. Мне почему-то казалось, что здесь все умеют.

– Какой индеец? – перебила Грэйс. – Я думала, это была женщина.

Алакрион прикрыл глаза, и череда вопросов его гостей друг другу превратилась в монотонный гул. Ранее он отпустил всех слуг, чтобы никто не помешал ему утолить информационную жажду, а сейчас Алакрион сам мечтал оказаться в каком-нибудь тихом месте.

Не успел четвёртый лорд подумать об избавлении, как оно было ему послано в виде столь же внезапно, сколько бесцеремонно ворвавшегося в комнату служителя городской стражи.

– Я же просил не беспокоить меня, только если произойдёт что-то важное! – с напускным раздражением рявкнул Алакрион.

– Так и есть, четвёртый лорд, важное, очень важное! – ответил посетитель, расшаркиваясь и кланяясь всем по очереди.

– Если это не так, я позабочусь, чтобы тебя перевели в охрану периметра на целый месяц. От возможности такой перспективы на лице стражника отразился неописуемый ужас.

– Произошло то самое, – поспешно отчитался он, подкрепляя весомость своих слов выразительным подёргиванием бровями, – о чём вы велели сообщать безотлагательно.

Алакрион схватился за сердце:

– Не может быть! Сегодня? Но по подсчётам, это должно произойти только через неделю.

Он выскочил из-за стола и принялся торопливо собираться. Боковым зрением Алакрион отметил, что гости замолчали и синхронно вертят головами, с любопытством посматривая то на принёсшего новость стражника, то на самого лорда. Может, взять их с собой? Это вопиющее нарушение правил, но зато оно послужит и хорошим уроком, и занимательным развлечением.

* * *

Родись Алакрион в их мире, он бы наверняка тоже был лордом – вероятно, английским. К этому выводу Джек пришёл, наблюдая за их покровителем последний час. Это был статный мужчина с уже поседевшими, аккуратно подстриженными волосами, орлиным носом и заострённой бородкой. Он предпочитал спокойные цвета как в одежде, так и в интерьере и носил длинный плащ с роскошным меховым воротником.

После знакомства с Самирой Джек, конечно, не ожидал наткнуться в пресловутом другом мире на зелёных человечков, но и встретить английского лорда он тоже как-то не рассчитывал. Может, в этой реальности все люди красивые? Джек вспомнил, как выглядели остальные члены Совета, и отказался от этой теории. Другие лорды не могли похвастаться привлекательной внешностью, да и умом, похоже, не блистали. Кто позволил им решать судьбу целой страны?

Кстати, о судьбе. Что там говорила Самира, скоро он в неё поверит? Так и быть, если до наступления завтрашнего утра их не сбросят в бездонную – чтоб её! – пропасть, Джек над этим поразмыслит.

Пока он удивлялся, что ничему не удивляется.

Отправляясь путешествовать, люди отмечают в плане маршрута всякие знаковые места. Вот в Париже есть Эйфелева башня. Все мечтают сфотографироваться рядом с башней, под башней, на вершине башни, чтобы сзади была панорама города, или на фоне башни, как будто держа её на ладони... Путешествие начинается, приходит предвкушение: «Скоро, очень скоро я её увижу!». А потом ты стоишь перед ней и думаешь: «Ну да... прикольная, высокая такая. И что теперь? Подняться на крышу? В принципе, можно. А пойду-ка я лучше в Лувр, на Жюконду погляжу!».

Джек чувствовал нечто похожее. Пару часов назад, стоя под деревом в университетском парке, он переживал вовсе не о магических перемещениях в другие миры. Джек думал, в каких случаях обязательно отвечать: «Я тоже».

«Я тоже буду пиццу с грибами». «Я тоже плохо спал сегодня из-за грозы». «Я тоже тебя люблю».

Но что если Джек не хотел пиццу с грибами?

– Тони? – Он подёргал друга за рукав куртки.

– Что?

– Тони, что ты думаешь обо всём этом? Ты счастлив?

Они вчетвером топтались неподалёку от горной пещеры на указанном Алакрионом расстоянии и ждали, пока тот договорится со стражниками на входе. Место было открытым, продуваемым и неудобным, а ожидание – томительным. Джек не понимал, как густой туман и сильный ветер могут так хорошо уживаться в пределах одного ландшафта, и решил все непонятные явления списывать на то самое волшебство, которое обещала Самира.

– Что? – снова переспросил Тони.

Джек попробовал иначе изложить свои мысли:

– Я имею в виду, что ты чувствуешь? Ты всю жизнь ждал, когда наступит этот момент – вот он. Ты рад?

– Да, – однозначно ответил Тони.

– А у тебя сносит крышу от необыкновенности событий, которые с тобой приключились? Тони издал нетипичный для него нервный смешок.

– Отчасти, – признался он, – но те события я уже переварил, а сейчас меня больше всего интересует, что находится в этой пещере.

– А мне – почему мы здесь и о чём мистер Алакрион спорит с теми людьми, – добавила Грэйс.

При слове «мистер» Джек с Тони одновременно рассмеялись.

– А что? – Грэйс смутилась. – Мне как-то неловко называть его просто по имени.

– Можешь называть его лордом, – подсказал Тони.

В этот самый момент четвёртый лорд вышел победителем из спора и жестом подозвал их к себе. Миновав входную арку высотой в два человеческих роста, они оказались в просторном круглом помещении с вытоптанном полом и ровными стенами, у которых, подсвеченные факелами, стояли стеллажи с оружием и снаряжением.

– У вас здесь живут воины? – приподнявшись на носочки, спросил Тони в самое ухо Алакриона.

– Нет, – ответил тот нарочито отчётливым шёпотом, – здесь у нас живут драконы.

– А-а-а, понятно. – Тони мог бы выглядеть беспечным, если бы не забыл закрыть рот.

В стене напротив входа чернело ещё одно отверстие – коридор, который под наклоном уходил в недра земли подобно колодезю. Джек догадывался, что им придётся туда спуститься, что противоречило его твёрдому намерению этого не делать. Однако в компании двух девушек и лучшего друга, у которого от нетерпения тряслись колени, Джек об этом помалкивал – не хотел заслужить нелестные эпитеты, ставящие под сомнение его смелость.

Начальник стражи придирчиво осмотрел посетителей. Он выдал каждому многослойные рукавицы до локтей и нелепый круглый шлем, под которым велел спрятать все волосы.

– Основы техники безопасности, – провозгласил он монотонно и вместе с тем ворчливо. – В пещере строго воспрещается снимать защитное снаряжение, сдвигать или нарушать его целостность путём проделывания трещин или отверстий.

К снаряжению кроме шлема и рукавиц прилагались тяжёлые кожаные жилеты, которые другие стражники, не особо церемонясь, водрузили им на плечи.

– Также строго воспрещается, – продолжал главный, – подходить к дракону сзади, трогать его за хвост или другие конечности.

– Мы бы и не осмелились, – решила поддержать разговор Грэйс, но ответственный за технику безопасности не нуждался в комментариях, приветливых улыбках и обещаниях следовать правилам. Чего ради церемониться с чокнутыми туристами, которым взбрела в голову навязчивая идея эффектно себя убить?

– Драконов не кормить, громких звуков не издавать, не подпрыгивать, не приседать. – Начальник стражи загибал пальцы. – Ах да, если дракон решит посмотреть вам в глаза, ни в коем случае не отводите взгляд.

– Это важно, – поддакнул Алакрион, который уже полностью облачился во все защитные штуки и терпеливо ждал.

– Что, никогда? – спросил Тони.

– Пока он не сделает этого первым.

По мере того как они спускались по тускло освещённому проходу, из памяти Джека под звуки глухого шарканья одно за другим исчезали правила техники безопасности. Хорошо, что Тони рядом, – Тони всегда всё помнит. Правда, сейчас он тосковал по фотоаппарату и как-то мало интересовался вопросом сохранения жизни или хотя бы здоровья.

Недолгий спуск по выдолбленным в породе ступенькам, и они очутились... Здесь было положено ахнуть, и Джек не стал противиться этому желанию. Он шагнул на мягкую почву, из которой то тут, то там пробивались травинки и даже крошечные ромашкообразные цветочки.

«Цветы в подземной пещере?» – успел подумать Джек, и мысль тут же утонула в водовороте новых вопросов. К примеру, как светятся вон те шарики, которые летают под высоченным куполообразным сводом? Вряд ли в этом как-то замешано электричество. И откуда здесь столько людей? Не меньше сотни жителей Норклифа сновали вокруг, увлечённые собственной суетой, и не обращали внимания на любопытных туристов.

– Да ведь здесь целый город! – восхищённо прошептала Грэйс, вертя головой.

Сравнение было несколько преувеличенным, но подземный грот и впрямь походил на городскую площадь: невысокие здания, торговые точки, вымощенные разноцветной плиткой дорожки... В центре площади, на предназначенном для фонтана месте, искрилось озеро с чистой голубоватой водой.

– Кто хочет пирожки с капустой? – весело спросил Алакрион, и четыре желудка ответили ему радостным урчанием. – Кстати, вы уже можете всё это снять.

Он резво стянул шлем с рукавицами и бодро направился к ближайшему киоску, отвечая на приветствия прохожих.

Тут до внимания Джека дошло, что остальные обитатели подземелья носили совершенно обычную неутеплённую одежду. И никакого специального снаряжения!

– Кажется, над нами подшутили, – сказал Тони, разоблачаясь.

– Это было вовсе не остроумно, – ответила Самира. Под шлемом её волосы наэлектризовались и теперь торчали в стороны, как у нарисованного ребёнком солнца.

– Неужели здесь нет драконов? – спросила Грэйс.

Джек готов был поклясться, что расслышал в её голосе разочарование, хотя в данной ситуации уместнее испытывать облегчение.

Вернулся Алакрион и протянул каждому свёрток с чем-то горячим.

– Почему же нет? – удивился он. – Разве стал бы я вас обманывать?

– А что это было с техникой безопасности и прочим запугиванием?

– Это не обман, а мера предосторожности. – Алакрион невинно улыбнулся. – Чтобы вы вели себя разумно.

Ну и что это за совет? Начальник стражи, пусть довольно грубо, предоставил им строгий регламент – исчерпывающий перечень всего, что может нести опасность. А теперь ограничения отменили и превратили в расплывчатое разумное поведение. Джек не особенно любил правила и обычно читал инструкции к электроприборам ровно перед тем, как отнести вконец испорченную грудку металла и пластика на помойку. Но в случае с драконами...

На ходу поедая пирожки с капустой, которые на самом деле оказались обычными пирожками с капустой, они по окружности подземного городка пробирались к дальней стене. Теперь стало заметно, что её поверхность была испещрена нишами вроде фрактальных разветвлений одной большой пещеры на множество маленьких. Сначала Джек догадался, для чего эти углубления, а затем увидел и их обитателей.

– Ого, – ёмко обозначил Тони. Чтобы не отвлекаться на еду и ничего не упустить, он засунул недоеденный пирожок в карман.

– Ничего себе, – попыталась конкретизировать Грэйс.

– А сколько у вас всего драконов? – спросил Джек.

Он видел всего один длинный хвост, который свисал наружу из углубления на втором уровне и лениво покачивался. Хвост был около шести футов в длину, имел фиолетовый оттенок и заканчивался чём-то закруглённым. К чему крепилась другая сторона хвоста, пока оставалось загадкой, потому как основная часть туловища дремала в темноте тесного жилища, развлекая гостей глухим похрапыванием.

– Шесть, здесь должно быть шесть драконов, – ответила Самира.

– Сегодня их стало семь, – поправил её Алакрион.

Новость вызвала у туристов возглас, полный умиления и восторга. Такой обычно издают маленькие обитатели детского сада, узнав, что их бездомная облезлая кошка обзавелась потомством.

– Чудесно! – хором сказали Грэйс и Тони.

– Сочувствую, – искренне присоединилась к поздравлениям Самира.

У центральной ниши царила атмосфера хорошо скоординированной суеты с умеренным уровнем возбуждения. От группы в несколько человек отделилась молодая женщина и, приветливо махнув, направилась им навстречу. Она выглядела уставшей и немного неопрятной: светлые локоны выбились из причёски, одежда помялась и пестрела пятнами неизвестного происхождения.

– Алакрион! – радостно воскликнула она. – Представляешь, сегодня! А ведь мы готовились только к следующей неделе.

– Здравствуй, Фелина. – Алакрион приобнял её, когда они поравнялись.

– Представь, Рейк будит меня среди ночи, срочно зовёт куда-то! А я не понимаю: куда, зачем... Чуть в ночной рубашке из дома не вышла. Тут потом такое началось, ты не представляешь. А это кто?

Сумбурно поделившись впечатлениями, Фелина заметила, что Алакрион явился не один.

– Эту не менее интересную историю я расскажу тебе позже, – ответил четвёртый лорд.

– Уж сомневаюсь, что она интереснее моей, – отозвалась Фелина, взглядом опытного оценщика осматривая спутников Алакриона.

Толпившиеся у входа в центральную нишу норклиффы расступились перед четвёртым лордом, и Джек наконец увидел картину, которая переключила в его мозгу рычаг безразличия.

Дракон разлёгся на полу своего жилища в позе вдоволь наигравшейся собаки: крылья сложены вдоль тела, когтистые лапы под мордой вместо подушки, один глаз закрыт полностью, а второй только наполовину. Вопреки общепринятым представлениям о драконах размером он был не больше среднего похудевшего слона, только длинные шея и хвост мешали ему компактно разместиться в пространстве.

– У него шерсть? – спросила Грэйс.

Да, у него была шерсть. Удивительно: все знают, что драконов не существует, но при этом точно осведомлены, как эти несуществующие драконы должны выглядеть. Любой малообразованный ребёнок скажет, что тело мифического чудовища по всем канонам покрыто плотной чешуёй, а вовсе не гладкой лоснящейся шерстью красноватого оттенка.

– Это не дракон, – сообщил Тони.

– А кто тогда, кошка? – язвительно ответила Самира.

Нет, явно не кошка. Джек подался вперёд, рассматривая подрагивающие конусообразные уши, мохнатые брови и удлинённую, похожую на лошадиную морду. Глазное яблоко размером с обычное яблоко вращалось под полуприкрытым веком, контролируя поведение окру-

жающих. Это определённо был дракон и, наверное, самое прекрасное существо из всех, что Джеку доводилось видеть.

– Она так вымоталась сегодня, бедняжка. – Фелина ласково почесала существо за ухом, и шутка Самире про кошку обзавелась долей правды.

– Она? – выпалил Джек. До сих пор он как-то не задумывался о половом различии драконов, необходимом для их размножения.

Она была не одна. Плотно прижавшись к боку родительницы и укрывшись её крылом, крепко спало крошечное (размером с человеческого ребёнка), несуразное, совершенно лысое нечто, отдалённо напоминающее взрослую особь. Как и любое новорожденное существо, маленький дракон был милым и в то же время довольно страшеньким.

Грэйс неуверенно переминалась с ноги на ногу, а раздувающийся шар её восторга уже достиг размеров пещеры и начал подпирать свод.

– А можно его, это... рассмотреть поближе? – Очевидно, она выбирала между словами «потрогать», «погладить» и «потискать», но остановилась на самом ненавязчивом варианте.

– Не советую, – предупредил Алакрион сразу всех. – Сейчас новоиспечённая мамочка выглядит мирно – она устала и в принципе имеет доброжелательный нрав. Но если кто приблизится к малышу, то через мгновение станет похож на телячий фарш в клюквенном маринаде.

– Ну ладно, – тихо ответила Грэйс, отступив на несколько шагов назад.

– То есть они опасны? – спросил Тони с сомнением.

– При необходимости, – уклончиво ответил Алакрион.

– А они могут дышать огнём? – Тони достал воображаемый список «Драконы: основные отличительные признаки» и приготовился расставлять в нём галочки и крестики.

– Это как? – спросил Алакрион, тем самым ответив на вопрос.

– Прочной брони тоже нет... Простите, пожалуйста, но ваши драконы кажутся довольно-таки уязвимыми. – Тони беспокоился.

– У них толстая кожа, – вмешалась Фелина, – мне можете поверить.

Тони только скептически покачал головой.

Алакрион, не до конца понимая, злиться ему или веселиться, обратился к Самире:

– Почему этот молодой человек спорит о том, в чём не разбирается?

Самира усмехнулась:

– Потому что этот молодой человек искренне полагает, что разбирается во всём.

Тони хотел возразить, но вовремя понял, что сам факт возражения будет противоречить его посылу.

– А почему вы держите их внизу? – продолжила Грэйс его список вопросов.

– Потому что драконы плохо переносят холод и влажный воздух. Иногда мы летаем с ними на Свободную землю, чтобы погреться в лучах солнечного света. Не дальше Свободной земли, безусловно. – Алакрион кивнул Самире.

Самира ответила таким же кивком, приправив его малость насмешливой улыбкой.

– А что такое Свободная земля? – задал Тони очередной вопрос, начинающийся на «а».

Ответа на него Джек не узнал – все присутствующие вдруг замолчали, а он почувствовал, как кто-то легко толкнул его в спину.

– Привет, Филин! – воскликнул Алакрион. – Ты тоже пришёл посмотреть на малыша?

Куртка ритмично двигалась от сильного дыхания. Волосы вздымались, за ушными раковинами стало как-то тепло, и армия мурашек поползла за воротник. Тут Джек и смекнул, кто такой Филин, но это не доставило ему никакого удовлетворения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.